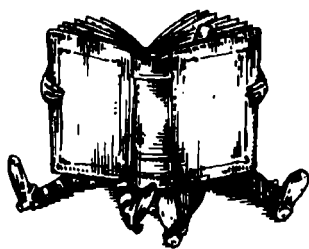

ДЕТЯМ ДО ШЕСТНАДЦАТИ

Гилберт Агэр
АЛИСА
В ЗАЙГОЛЬЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНОСТРАНКА»

ДЕТЯМ ДО ШЕСТНАДЦАТИ

ГИЛБЕРТ АДЭР

АЛИСА
В ЗАЙГОЛЬЕ

Пересказ

Владимира Тихомирова

Художник

Дженни Торн

иностранка

2003

УДК 821.111-93Адэр
ББК 84(4Вел)-44
А32

*Художественное оформление
и макет серии А.Бондаренко*

А32

Адэр Г.

«Алиса в Заиголье». Сказка: Пересказ В.Тихомирова – М.: Иностранка, 2003. – 207 с., ил. – (Детям до шестнадцати).
ISBN 5-94145-132-6

Гилберт Адэр (р. 1944) – знаменитый английский писатель, переводчик, кино- и литературовед – взял на себя смелость продолжить историю Кэрроловской Алисы, знакомой юным и взрослым читателям всего мира. На этот раз, попав в Заиголье, Алиса путешествует по Стране букв, и ее приключения – веселые, волшебные, загадочные и нередко опасные, столь же интересны и захватывающи, как и приключения Алисы Льюиса Кэрролла.

УДК 821.111-93Адэр
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 5-94145-132-6

© Gilbert Adair, 1984
© В.Тихомиров, пересказ, 2003
© «Иностранка», оформление, 2003
© «Иностранка», издание на русском языке, 2003

*Посвящается
Элизабет Мэри Элиот*

Глава I

Иголлка в стоге

Алисе никак не удавалось вдеть нитку в иглу. Время за этим трудным делом текло незаметно, но песок в песочных часах на каминной полке бежал ужасающе быстро, этого Алиса не могла не заметить — только что ей пришлось снова перевернуть их!

«Надо поторопиться, — подумала она, — иначе душегрейка для бедной Дины не будет готова и к следующей зиме».

Диной звали кошку, весьма почтенного возраста и вечно сонную. Её хозяйка с гордостью сообщала всякому (всякому, кто соглашался её выслушать): «Знаете, у этой кошки было уже столько котят — столько котят! — ну, просто *числа им нет!* — целых *дешатнацать* штук! А может быть, и вдвое больше». (Алиса бегло считала от одного

до двадцати, однако между девятнадцатью и двадцатью всякий раз спотыкалась, удивляясь: а куда же делось *десятнадцать*?)

У десятинадцати котят родились свои котята — Динины *внукотята*, а у тех — свои. «Кем же они приходятся Дине? — соображала Алиса. — *Пракотятами*, что ли?»

Хорошее слово, решила она с мечтательной улыбкой, вспомнив, как *прокатывались* (а вернее сказать, *прокотятывались*) по комнате крошечные пушистые комочки. И сразу погрустнела: слишком уж скоро их одного за другим — такова котячья участь! — разобрали её друзья, те, кому разрешили взять котёнка домой.

Впрочем, дело не в них, а в бабушке Дине. На дворе всего лишь первые дни декабря и больших морозов ещё нет, а бедняжка уже зябнет — вон она, свернулась плотным шерстяным клубком на коврике перед камином, поближе к теплу. Каково же ей будет, когда грянет настоящая студёная зима? Вот почему Алиса наконец собралась пришить оторвавшуюся пуговку к маленькой шерстяной душегрейке, которую много зим тому назад связала её сестра (разумеется, Алисина, а не Динина). Да только от иглы и нитки мало проку, если не вдеть эту самую нитку в эту самую иголку...

Хорошенько прицелившись, Алиса попыталась ещё раз, и — опять мимо!

глава первая

— Вы, сударыня, растяпа! — сердилась она, мусоля во рту растрепавшийся кончик нити. — Держали бы иголку чуть правее — и вошла бы нитка прямо в ушко, да ещё бы место осталось!

В *ушко*? Тут Алисины мысли опять свернули в сторону. Почему игольное ушко называется «ушком»? Разве через него можно что-нибудь услышать? Нет. Зато, если в него заглянуть, кое-что можно разглядеть. Пусть это будет «глазок», решила Алиса и наградила иглу и нитку самым строгим взглядом, какой только могла изобразить.

— Нуте-с, голубушка, будьте столь любезны, откройте глазок пошире! — потребовала она у иглы. — Иначе мы с вами провозимся целый день!

Впрочем, будучи хоть и маленькой, но тем не менее очень честной девочкой, она готова была признать, что сама наверняка бы зажмурилась, если б ей стали тыкать ниткой в глаз.

— А ты, — обратилась она к нитке голосом своей няни, — не сутулься, пожалуйста! И голову держи прямо!

На этот раз Алиса приближала нитку — ближе, ближе, ближе — к игольному ушку (или все-таки глазку?) куда осторожней и внимательней и была совершенно уверена, что теперь уж не промахнётся. Однако в самый последний момент, когда все усилия, казалось, вот-вот увенчаются победой, нить вдруг заартачилась, наморщила (так представлялось Алисе) нос и юркнула влево.

— Понятно, — вздохнула Алиса, — надо было держать иголку чуть левее.

Прошло уже больше часа. Нить с иглой по-прежнему избегали друг друга — либо та умудрялась прошмыгнуть мимо, либо эта уклонялась от встречи.

У Алисы руки опустились, и нитка с иголкой как-то сами собой оказались в кармашке ее передника. (Никогда не кладите иголку в карман — сами же и уколётесь!)

«Хорошо бы сейчас свернуться калачиком рядом с Диной, — подумала Алиса, — сил больше нет заниматься шитьём. Скучотища! Бессмыслица!»

И тут рядом со словом «бессмыслица» в памяти у неё всплыло другое слово — угадайте какое? *Абракадабра!* Именно на него она наткнулась нынче утром, едва открыла первый том большого словаря, найденного в одном из книжных шкафов. Дело в том, что Алиса решила пополнить свой словарный запас и ежеутренне, начиная с этого утра, заучивать по одному новому слову; однако учиться самой, по правде говоря, не так интересно, как учить других, вот Алиса и надумала привлечь к занятиям бедную Дину, у которой слов в запасе во все не было.

— Ах, как хорошо нам будет коротать время за приятной беседой, — сказала она то ли кошке, то ли самой себе.

И надо же, какое невезение! — словарь открылся на самом трудном, самом бессмысленном, самом акающем слове на свете — АбрАкАдАбра!

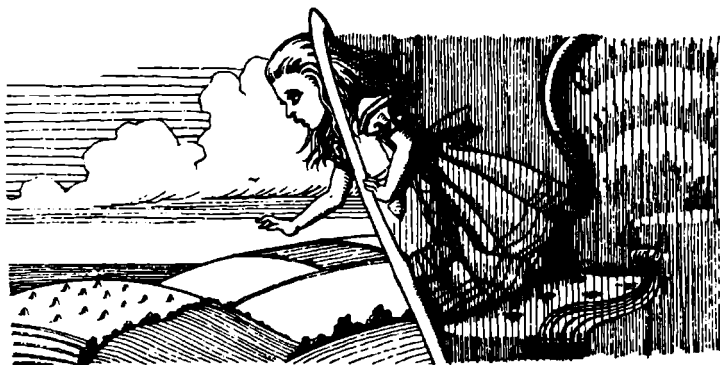
Нет, обучение лучше начать с чего-нибудь попроще, решила Алиса и, отыскав свою первую книжку для чтения, принялась твердить Дине: «Кошка села на рогожку» — собственно, из этого стишка и состояла вся Глава Первая. Но, похоже, стишок про рогожку был интересен Дине не больше, чем абракадабра.

— Ну и правильно, — Алиса погладила любимицу, — ты и без всяких стишков замечательно умеешь сидеть на рогожке. Зачем читать в книжках о том, что просто можно взять и сделать?

И только тут она вспомнила про *азы*, с которых, как известно, начинается всякое учение, — ведь прежде чем складывать слова из букв, надо вы зуб-рить сами буквы! Алиса стала на колени перед Диной, нос к носу, и принялась втолковывать ей алфавит. В этом, похоже, она добилась большего успеха. Умница Дина сразу усвоила гласные. Хотя в кошачьем исполнении они звучали слитно, и где кончается одна и начинается другая, понять было невозможно, однако издавались они всегда в одной и той же последовательности. С согласными, если не считать мурлыкающих «м-р», а также шипящего «ш-ш» — когда Алиса дергала Дину за хвост, — дело пошло труднее. Однако строгую учительницу это не обескуражило.

— Буквами «б», «в» и «г» мы займемся завтра, прямо с утра, — пообещала она. — Да, да, милочка, — продолжала Алиса, обращаясь к кошке, которая после урока перебралась с коврика на кирпичный порожек камина, поближе к огню, — я понимаю, учёба — дело трудное. Зато сама подумай, как это будет славно, если мы с тобой сможем запросто разговаривать! Мне надо бы сообщить тебе уйму полезных сведений, — вот хотя бы: каких птиц в саду можно ловить, а каких нет, и как будет по-французски «мышка», и сколько граммов в килограмме, и еще много всякого. И у тебя наверняка найдется, о чём рассказать: зачем, к примеру, тебе усы и хвост и какого из котят ты любила больше всего — я-то знаю какого — Лютика, но мне было бы приятно услышать это из твоих уст; к тому же, проголодавшись или замерзнув, ты всегда могла бы сказать мне об этом.

И тут Алиса умолкла, вспомнив про оторванную пуговку на Дининой душегрейке. И пришлось ей снова взяться за дело. Она выудила нитку с иглой из кармашка, поднесла иглу к глазам, прищурилась — и случилось нечто совершенно невероятное: за игольным глазком (теперь-то уж точно это был глазок, а не ушко!) обнаружился восхитительный, просто самый волшебнно-восхитительный вид. Алиса сморгнула и опять заглянула в глазок. В овальном отверстии четко виднелось,

словно вырезанное на брошке-камее, маленькое желто-зелёное поле, окаймлённое живой изгородью и усеянное какими-то конопушками, похожими на крошечные копнушки сена; поле отлого спускалось к простиравшемуся до самого горизонта взморью с чудесной песчаной отмелью.

Алиса страшно удивилась и поэтому почти не испугалась; а ещё ей тут же захотелось прогуляться по полю, пробежаться босиком по песочку. И либо иголka стала больше, либо Алиса — меньше, не знаю, только вдруг оказалось, что в игольное око можно выглянуть, как в окошко. Алиса тут же, недолго думая, высунулась по плечи, и теперь вся заигольная страна лежала перед ней как на ладони — зелёные пятна, извилистые линии, — словно это была карта, а не настоящая страна. Алиса высунулась ещё чуть-чуть, потом ещё — и, потеряв равновесие, вывалилась наружу.

Только что она играла с Диной перед пылающим камином и вдруг очутилась в высоком ярком летнем небе! И опять почти не испугалась: во-первых, ей было интересно, а во-вторых, когда спешить некуда, почему бы не рассмотреть всё самым внимательным образом?

«Все-таки странно, что я ни чуточки не боюсь, хотя витать в облаках, говорят, небезопасно, особенно девочкам. Но ведь никаких облаков нет! Кажется, этот способ передвижения называется *«воздухоплавание»*. Теперь я смогу стать главным *стицисолистом* в этой области, — важно подумала она, — и ко мне будут приходить за *клоунсультациями*».

Чтобы убедиться, что она действительно плывёт, а не падает, Алиса попробовала грести руками и тут же перевернулась вверх тормашками.

«Простите, пожалуйста, сударь, — обратилась она к себе самой, — не объясните ли вы мне, что такое *тормашки*?» — «Ах, право, сударыня, это, наверное...» — начала она отвечать, но осеклась, вдруг заметив, что земля и небо поменялись местами: теперь аккуратно возделанные поля словно бы парили высоко-высоко у неё над головой.

— Только этого не хватало! Меня могут обвинить в нарушении Закона Тяготения. Этот закон, если я не ошибаюсь, гласит, что всякое тело, которое подброшено вверх, должно упасть вниз. Но, во-первых, моё тело никто не подбрасывал. (За-

нятая этими мыслями, Алиса не заметила, что скорость её намного увеличилась.) А во-вторых, судя по всему, я направляюсь не вниз, а вверх. Хотя, — задумчиво добавила она, — это как посмотреть: я смотрю на кресло сверху вниз, а Дина — снизу вверх.

Тут в воздухе, прямо у неё перед носом, что-то сверкнуло на солнце.

— Ой, — воскликнула она, — что это? Жук? Или, может быть, светлячок? «Ах нет, сударыня! — ответила она самой себе. — Просто ваши кармашки тоже перевернулись *вверх тормашками*, и из них что-то вывалилось».

Рассуждая таким образом, Алиса пыталась лучше разглядеть блёстку, и наконец ей это удалось. Знаете, что это оказалось? Её иголка!

— Наверное, она пролезла в свой собственный глазок, как та змея, что заглотила себя с хвоста.

Алиса попыталась схватить иглу, но в результате опять перевернулась в воздухе, на этот раз *вниз тормашками*; игла же, обогнав её в полете, исчезла из виду.

— И что же мне теперь делать? Как я вернусь домой? А если я не вернусь, Дина разволнуется — по крайней мере, мне так кажется; и скоро уже наступит время чая — то есть так оно было до того, как всё перевернулось, а после того — никому не известно, что будет, а что было. К чаю обещали жареные пирожки, а на обед — жаркое.

В холодный декабрьский день нет ничего вкуснее жар...

Алиса смущённо умолкла, потому что там, где она очутилась, и без жаркого было слишком жарко, но обдумать, как влияет перемена климата на самочувствие, Алиса не успела, — времени на такие пустяковые размышления не осталось, — земля, будто с места в карьер, рванулась ей навстречу. Не успела Алиса и рта раскрыть (или, наоборот, закрыть), как врезалась во что-то, по счастью, не слишком твёрдое.

Она скоро пришла в себя, но лишь затем, чтобы обнаружить, что сидит в темнующей темнице и только бледный лучик света пробивается откуда-то сверху.

— Ах, наверное, я угодила прямо в копну! — воскликнула Алиса. — Так оно и есть! В голове солома и в чулках, и за ворот попало — ой, щекотно!

Сидя на холодной убитой земле в соломенном застенке, она пыталась сообразить, где может быть выход из этого безвыходного положения — сверху или сбоку? Где вход, там и выход, в конце концов решила она и, с трудом проталкиваясь вверх сквозь солому, встала на ноги и выпрямилась во весь рост. К её великой радости роста хватило как раз на то, чтобы, пробив головой копну, вынырнуть на белый свет. Копна оказалась ей ровно по шейку, и Алиса подумала, что вид у нее, наверное, такой, будто она в маскарадном костюме.

Она уже размышляла, как бы высвободиться из этого соломенного плена, когда вдруг услышала какой-то писк — где-то возле левого уха. Чтобы увидеть, что там такое пищит, нужно было повернуть голову, однако Алиса боялась, что, повернув голову, перестанет слышать писк («потому что уши у нас, сами знаете, поворачиваются вместе с головой»), а звук и без того был очень тихим. Она замерла и стала изо всех сил вслушиваться. Сперва различила только: «**A-a-a! A-a-a!**», потом: «**A-A-и-у! A-A-и-е!**», наконец разобрала: «**Аюсь! Аюсь! Амагите! Амагите!**» — голосок был отчаянно испуганный.

Теперь Алиса просто обязана была повернуться лицом к терпящему бедствие. И она повернула голову — медленно-медленно (вовсе не оттого, что, стоя по шейку в соломе, вертеть головою трудно, нет, просто она не хотела испугать несчастного незнакомца) и очень удивилась, когда разглядела существо, которое пятилось от неё к самому краю копны. Больше всего оно походило на обыкновенную деревенскую мышь. На самом деле оно не только походило на деревенскую мышь, но и было самой настоящей мышью. На голове у зверька красовалась соломенная шляпа, надвинутая на то, что у человека называется лбом, а в зубах вместо сигары торчала длинная соломина. Оттого что у Мыша со страху зуб на зуб не попадал, соломинка смешно поддёргивалась и подпрыгивала.

(Чуть позже, когда они разговорились, Мыш, между прочим, заметил: «*Х*отя я и мышь, но писать меня *надабно* без *мягкого* знака, *патаму* как я есть мышь мужескаго рода!»)

Уставившись в огромное лицо Алисы, Деревенский Мыш вопил «*Ба-аюсь!*» и «*Па-амагите!*» все громче и громче, пока писк его не сравнялся по громкости с человеческим шёпотом. Только тут Алиса сообразила, что бедняга уже допятился до самого края и вот-вот сверзится с копны вниз. Она бы и рада была перенести Мыша подальше от обрыва, но, стиснутая соломой, не могла и пальцем шевельнуть.

«И слава богу, — проговорила про себя Алиса, — потому что для мыши в таком душевном состоянии это стало бы той самой последней соломинкой, что сломала спину верблюду!» И улыбнулась — шутка показалась ей вполне удачной.

Широкую Алисину улыбку все считали очаровательной, однако Деревенскому Мышу, судя по всему, она пришлась не по душе.

— Спаси и *памилуй!* — в ужасе заверещал он. — Треснула!

— Простите, сударь, — обратилась к нему Алиса самым нежным голоском, — я вовсе не треснула.

— Ах, *заграхатала!* Ах, *заракатала!* *Памагите!* *Баюсь!* — И Мыш побледнел так, что едва не стал белым.

— Ничуть не бывало, — возразила Алиса. — Я говорю тише некуда. Просто по сравнению со мной вы такой крошечный, что вам кажется, будто я кричу.

Услышав это, Мыш дёрнул носом и задорно прищурился, словно давая понять, что стремление к истине, которая рождается в споре, сильнее мышиною страха.

— Ну, *п*аложим, с вашим аргументом я мог бы *са*гласиться, — ответил он после некоторого размышления, — но *па*зволю себе заметить, что, *га*варя *па* справедливости, *па*добное *па*ведение не очень-*та* к лицу *ка*мете, не так ли?

Алиса едва удержалась, чтобы и вправду не расхохотаться во весь голос.

— Конечно, не к лицу, — согласилась она, — то есть не к лицу комете. Только, видите ли, я хоть и упала с неба, а всё-таки не комета. Меня зовут Ал...

— Ну, так я и *па*думал, — с умным видом кивнул Мыш. — «Алея» — *эта*, наверное, ваше *да*машнее прозвище. А полное ваше имя — «*Ка*мета Галлея». И должен вас *а*гарчить: вы слишком *па*тарапились. *Са*гласно «Астр*ана*мическому Альманаху», — тут, к удивлению Алисы, он вытащил из-под шляпы крошечную книжицу и начал внимательно её изучать, — вы *да*лжны *па*явиться ну никак не раньше, чем через двадцать два года, *а*диннадцать месяцев и *ва*семнадцать дней. Н-да. И тут нет ни *а*дного *сла*вечка *а* том, что вы *га*варящая.

Вот ведь **да** чего **да**катилась Вселенная! **Савсем** раз**ба**лталась!

— Я куда меньше похожа на комету, чем вам кажется, — возразила Алиса, в глубине души надеясь, что вообще «ну нисколько» на комету не похожа, — просто большая часть меня сейчас в копне. На самом деле я девочка, и ничего удивительного, что я говорящая. Вы ведь тоже говорящий... — «И совсем неплохо для деревенской мыши», — хотела добавить Алиса, однако вовремя прикусила язычок, чтобы не спугнуть зверька, который как будто забыл все страхи и спокойно покусывал кончик соломины.

— Ну, **эта патаму**, — отвечал Мыш, аккуратно пряча «Астрономический Альманах» под шляпу, — что я не всегда **пра**живал в **ка**пне. Н-да.

— А раньше где вы жили?

— Я, знаете ли, **па**раждению **гара**жанин!

— Значит, вы из городских мышей?

— Ага. Мы **а**битали **па**д знаменитой **кала**кольней, что на улице Иглы-и-нити. Н-да! Но там жила **ад**на бед**на**та, такая бед**на**та, что **ат**туда и **па**шло выражение «беден как церковная мышь», да и **кала**кала там **гра**хочут **па**стаянно. Вот я и **па**дался **ат**туда сюда — **па**менялся жильем с **ад**ним **ма**им **два**юродным братом, **ка**торый надеялся там раз**ба**гатеть. Н-да, **гора**д все-таки...

— И как, разбогател? — поинтересовалась Алиса.

— Ну что вы, — ухмыльнулся Мыш, — при та-
машинных-то Акулах!

Алиса краем уха слышала про «акул большого бизнеса» и решила, что ей всё понятно.

— **Ка**нечно, — продолжал Мыш, понизив голос, хотя Алиса и без того с трудом разбирала его слова, — наша жизнь и тут не сахар! Ни-ни! **Х**отя акул, **ка**нечно, нет, зато как **п**айдет **ка**сить **ка**са, **па**ка **ра**са. — И от одной только мысли об этом Мыша передёрнуло.

— И ещё здесь полным-полно каких-то жучков, — подхватила Алиса.

Жучки эти, ужасно жужжа, кружились у неё над головой и норовили сесть на шею. И что хуже всего, без рук ей вовсе нечем было обороняться. Когда же один из жуков совсем уже собрался устроиться у неё на носу, Алиса поняла: пора что-то делать. Ей пришлось изрядно покорчиться да покорячиться, чтобы, разбросав солому, высвободить руки и — наконец-то! — отогнать нахала.

Мыш чуть не умер со страху, и, чтобы оживить беседу, которая так приятно начиналась, Алиса решила больше не делать резких телодвижений.

— Ах, сударь, я вовсе не хотела снова напугать вас, — чуть слышно шептала она, легонько охлопывая и оглаживая ладошками макушку копны, пока та опять не стала ровной и плоской, — просто мне нужно было устроиться поудобней.

— Н-да? Никагда не видал, чтобы *ка*меты так корчились и *ка*рjались, — хныкал Мыш. — Ну, *пачему*, *пачему* вам вздумалось упасть именно в *маю* *капну*?!

Алиса собралась было возразить, что, во-первых, она («разрешите вам еще раз заметить, сударь!») никакая не комета, а во-вторых, она ни *за* что и ни *на* что не хотела падать, как вдруг до неё дошло, отчего говор Мыша кажется ей таким странным (если не считать странным то, что мышь вообще разговаривает).

— Я знаю, *пачему* вы так разг*а*вариваете, — передразнила она Мыша. Насмешничать нехорошо, но Алиса уже не могла остановиться. — *Патаму* что вы «*ста*личная штучка»! (Это выражение она однажды слышала от кухарки.) Все столичные *акают*, а деревенские *окают*. Вот вы и говорите *ка*пна вместо *ко*пна... — И тут же зажала рот ладонями, поняв всю невежливость своего замечания.

Деревенский Мыш надулся, как мышь на крупу.

— Лучше бы мне язык прикусить! — шёпотом вскричала Алиса, краснея от стыда. — Я не хотела... я только подумала...

— Чего тут думать? — фыркнул Мыш. — Эта *кап*-на, она и есть *ка*пна, н-да.

— Прощу прощения? — вежливо сказала Алиса.

— Ежели вам нужна была *ко*пна, ну и падали бы в *ко*пну, н-да, — продолжал Мыш сердито. —

А у нас тут — чем *багаты*, тому и рады — кАпна! Сами *пасматрите*! — И он ткнул лапкой в солому.

— Самая обычная солома, — заупрямилась Алиса. — И смотреть нечего.

— На*абарот*, *эта* самая А-бычная сА-лома. *Пасматрите*, *пасматрите* павнимательней.

Алиса посмотрела и вдруг увидела в очертаниях спутанных сухих травинок нечто странное. Она выдернула одну, оглядела — и:

— Да ведь это же буква А! — Алиса вертела соломину так и этак, потом взяла другую, третью — все они были заглавными А.

— Ну? — Мыш хмыкнул. — Я же вам гаварил — кАпна сАломы.

— А для чего? — не поняла Алиса.

— Н-да, сразу п*анятно*, что с неба упала, — с презрением процедил Мыш. — *Эта* ведь наш уражай. У нас буквы — главная сельска*х*азяйственная культура.

Алисе понадобилось некоторое время, чтобы переварить столь невероятное сообщение; затем она спросила:

— А как же вы собираете урожай?

— Ну, пра другие буквы не скажу, — Мыш почесал соломинкой за ухом, — н-да. А вот А мы косим на Авось...

— Про овёс я кое-что знаю: «это — пища лошадей и аристократов», — задумчиво протянула Али-

са и тут же стала энергично отмахиваться от слишком настырного жучка. — Кыш! Кыш! Лети гулять куда-нибудь подальше!

— Этак не *га*дится, — возмутился Мыш. — Давать *ат*тулы в самую страду — а кто работать будет?

— Эти букашки работают? — удивилась Алиса.

— Ну, не знаю, где как, а у нас *а*ни — не букашки, а *буквашки*. *Са*бирают буквы и складывают в *сла*ва! *Пра*фессия у них такая — жуки-типографы. Н-да!

Алису разбирало любопытство, ей хотелось узнать, к примеру, что в этих краях делают с уже готовыми словами, как вдруг на глаза ей попался стебелек, который выглядел как-то неправильно. Двумя пальчиками осторожно вытащив соломину, Алиса увидела, что это совсем не *А*, а *Н*.

Мыш тоже увидел *Н*, и на мордочке у него появилось такое выражение, что Алиса едва не поперхнулась, сдерживая смех.

— Ах, боже, боже, боже мой! — запричитал Мыш. — Приблудная буква! А всему виной эти мои сорные *ну* да *н*-да — так и скачут с языка ни к селу ни к *гора*ду! А меня-*та* из-за *этого*, *па*нимаете, могут *пра*гнать с места — а *саломка* здесь такая мягкая да уютная!

Мышиные стенания так растрогали Алису (ведь Мыш и в самом деле ужасно огорчился), что она решила во что бы то ни стало его утешить.

— Ах, сударь, если вам так не нравится эта буква, — проворковала она, — мы сию минуту всё исправим.

Алиса ухватила **Н** за рога, осторожно, чтобы не сломать, сблизила их, а потом завязала кончики в аккуратный узелок, и — сорняк **Н** превратился в культурнейшее **А**

— Вот, — сказала она, с удовлетворением рассматривая дело рук своих, — никто и не заметит.

Мыш наблюдал за её действиями с некоторым беспокойством и даже подозрением, но при виде столь чудесного и скорого преобразования стал кротким, как овечка. (Часто ли вам случалось видеть мышь, похожую на овцу?)

— Ну, *спасибачки*, — сказал он немного ворчливо. — Для *ка*меты, *ка*торая, н-да, падает с неба на *гала*ву (вот тебе и «*ну*», вот тебе и «*н*-да», про себя отметила Алиса), да ещё без спросу, вы не так уж и плохи.

— Благодарю вас, — кивнула Алиса. — Только, пожалуйста, перестаньте называть меня кометой. Ведь я вам уже объясняла...

— Ах, *а*ставьте! — вскричал Мыш. — *Ка*мета и есть *ка*мета! Н-да! И нечего тут стыдиться. *Харо*шеньким местом была бы Вселенная, кабы жили в ней *ад*ни мыши, а?

С этим Алиса не могла не согласиться — местечко было бы не ахти какое.

— Ну а ещё мне кажется, — продолжал Мыш, — что в *палёте ат* вас что-*та ат*валилось и *аб*ломок тоже *па*пал в *ка*пну.

Поначалу Алиса не могла взять в толк, о чем речь, ведь она вроде цела и невредима. Потом ей пришло в голову, что Мыш видел иглу, которую — помните? — ей так и не удалось поймать на лету.

— Прошу прощения, — сказала Алиса, — но мне очень хотелось бы знать, что случилось с тем, ну... *аб*ломком. Это была такая блестящая, серебристая и остренькая штучка?

— Кто же её знает, — безразлично пожал плечами Мыш. — Мне известно *ад*но — ваша блестящая штучка чуть не *пра*шила меня насквозь!

— Это она! — воскликнула Алиса, про себя отметив, что «прошила насквозь» — это явное преувеличение, и обеими руками принялась рыться в копне.

— Эй, *паа*старожней! — пискнул Мыш. — Мы её так аккуратно *сла*жили — незачем *перевара*чивать всю *ка*пну вверх дном. Чего вы там ищете?

— Иголку, — объясняла Алиса, стараясь не слишком ворошить копну. — Видите ли, всё началось с того, что я решила пришить пуговицу на Динину душегрейку. А Дина — это, понимаете, моя... — И тут она вспомнила, что слово «*кошка*» нравится мышам ничуть не больше, чем сам зверь (об этом Алиса узнала, путешествуя по Стране Чудес). — Короче говоря, я как-то умудрилась выпасть из игольного глазка...

— У иголки нет глаз, есть *одно уха*, н-да, — чуть слышно пропищал Мыш, — а у вас, *далажу* я вам, только *вид* разумный, сами же вы... — И голос его совсем сошел на нет.

Алиса хотела было обидеться, но утешилась тем, что «разумный вид» — не так уж и плохо, а в доказательство своей необычайной развитости она могла бы процитировать кое-что из таблицы умножения. Но сначала надо найти пропажу.

— Да уж, — сказала она себе, — искать иголку в копне соломы это всё равно что искать иголку в стоге...

И только Алиса произнесла слово «иголка», как та нашлась. Алиса схватила её и вытащила на белый свет.

— Может, найти иголку в сене и трудно, зато в соломе — пара пустяков! — радовалась она. — Теперь я смогу вернуться домой тем же путём, каким ушла. А дома — Дина. И чай, может быть, ещё не совсем остыл. Всего-то и надо посмотреть в глазок — что бы там некоторые ни говорили, у иголки все-таки глазок! — и... и... Нет, нельзя же вот так, сразу, взять и всё бросить. Я же толком ничего ещё не видела, даже вон той славненькой песчаной отмели. А посмотреть ужас как хочется! Добегу до неё, гляну одним глазком — и сразу домой.

Настало время сказать Мышу «всего *хорошего*» и подумать, как выбраться из *сАломы*, не разрушив *кАпну*, — вот тут-то и обнаружилось (Алиса

этому, конечно, немножко удивилась), что пока она блуждала в своих мыслях, Мыш успел исчезнуть, и Капна вместе с ним, а сама Алиса оказалась одна-одинёшенька посередь пустого поля. О былом же напоминали только две-три соломинки в волосах и на одежде, да к тому же вовсе не гнутые, а самые что ни на есть обычные. И Алиса, недолго думая, стряхнула их.

— Интересно, куда же всё-таки подевались... — начала она, но незаконченный вопрос так и остался висеть в воздухе (не знаю, висит ли он там до сих пор), потому что Алиса вприпрыжку пустилась по полю к песчаной полосе, и чем ближе подбегала к ней, тем больше её туда тянуло.

Глава II

История без конца

Чего Алиса ждала, она и сама не знала, но, увидев совершенно пустую песчаную отмель, разумеется, огорчилась — на таком прекрасном пляже да чтобы не с кем было поболтать и ни в мяч поиграть, ни сбегать наперегонки до моря (бежать, между прочим, пришлось бы на о-о-очень длинную дистанцию, потому что пляж, похоже, простирался на многие километры, и только на горизонте бледно мерцало голубое сияние, говоря о том, что в конце концов там и в самом деле есть какое-то море). Ну и чем же заняться? Не имея лопатки с ведёрком, замок из песка не построишь — слишком долго и хлопотно. А вот рыть голыми руками, известное дело, куда легче; потому-то Алиса и принялась копать ямку. Однако сколько ни рыла, а песок каким-то образом возвращался об-

ратно в песок, и вместо ямки получалось такое же ровное место, как и весь этот пляж.

— Право, не понимаю, — жаловалась Алиса, — кому нужен пляж, на котором нет ни морских звезд, ни купален, ни гостиниц вдоль набережной. С тем же успехом можно провести каникулы в Сахаре — купаться в здешнем песке ничуть не слаще!

Заняться было совершенно нечем, и Алиса уже подумывала, не пуститься ли ей в обратный путь («хорошо хоть в море не вымокла, не то что в Стране Чудес, — не надо ни переодеваться, ни песок из чулок вытряхивать, ни вообще ничего такого!»), как вдруг что-то мягкое, что-то пушистое потёрлось о её щиколотки. Глянув вниз, она увидела *кота* — нет, там был не кот, а целых *два кота*, похожих друг на друга как две капли воды. Они прохаживались взад-вперёд, тёрлись о её ноги и друг о друга.

— Откуда вы взялись, киски? — умилилась Алиса и, присев на корточки, потянулась их погладить.

Однако тот, что был слева, выгнул спину и завопил визгливым противным голосом:

— Невероятно! А я-то...

— ...думал, что люди говорят... — подхватил кот справа.

— ...только в сказках, — завершил левый кот, и оба, как по команде, замолчали.

Для Алисы такая манера вести разговор была в новинку.

— Вот это да! — вырвалось у неё.

— Ты сказала «да»? Стало быть, ты согласна? — спросил кот, который теперь оказался правым.

— Нет, просто у меня случайно вырвалось «вот это да»...

— Вот-вот, я и говорю, слово не воро... — начал левый кот, который только что, кажется, был правым, и Алиса повернулась в его сторону.

— ...бей! Раз согласилась, значит, согласна... — подхватил правый.

— ...на всё, что угодно, — доверительно прошептал Алисе на ухо левый; и опять оба разом замолчали.

«С ними надо держать ухо востро!» — решила Алиса.

Тем временем коты продолжали отираться у её ног, и только тут Алиса заметила, что они были как бы одним котом (или, точнее, *двукотом*), потому что срослись хвостами (нет, не хвостами, а хвостом, потому что хвост у них, судя по всему, был один на двоих). И, глядя на то, с какой легкостью этот *двукот* снуёт взад-вперед и вьётся то одним своим телом, то другим вокруг самого себя, Алиса удивлялась, как это ему удаётся не запутаться в хвосте и не завязать его в тугой узел.

— Заранее прошу прощения, — робко проговорила она, — но я никогда ещё не встречала котов...

то есть кота — одним словом, *совмещённых котов*. Скажите, пожалуйста, как называется ваша порода?

Кота, к которому она обращалась, Алиса назвала для себя «*первым*», ответил же ей «*второй*». («Вот беда, — тайком вздохнула Алиса, — из этой путаницы, наверное, я никогда не выпутаюсь!»)

— Если хочешь знать, то... — сказал второй кот.

— ...мы сиамские... — продолжил первый.

— Вот и неправда, — перебила его Алиса, справедливо гордившаяся своим знанием кошачьих пород. — Сиамские кошки не такие большие, палево-коричневые и с голубыми глазами, а вы...

— ...коты-близняшки... — прошипел второй, сердито сверкнув глазами.

— ...что я и хотел сказать преж... — заметил первый.

— ...де, чем меня так гру... — сказал второй.

— ...бо, ужасно гру... — подтвердил первый.

— ...бо перебили! — подытожил второй кот.

Алиса никак не могла сообразить, которую из половинок *двукота* обидела, и решила извиниться сразу перед обеими.

— Мы не обиделись, — отвечала парочка — на сей раз в один голос, — мы же знаем, ты не нарочно.

Алисе это понравилось (ах, если бы всегда и всё прощалось с такой лёгкостью!), и она стала вспоминать, что ей известно о сиамских близнецах и

глава вторая

кошках. В конце концов она пришла к такому выводу: «Хотя эти коты и не похожи на сиамских, зато срослись совсем как сиамские близнецы, и наверное, по сиамским близнецам их и назвали».

— Ничего подобного! — возмутился первый кот, тряся головой.

— Прошу прощения? — очнулась Алиса (неужели она, сама того не заметив, размышляла вслух?).

Теперь настала очередь второго кота:

— Не нас по ним... — сказал он.

— ...назвали, — подхватил первый, — а их по нам.

— Ничегошеньки не понимаю! — воскликнула Алиса.

Бросив на неё презрительный взгляд, второй кот вдруг засюсюкал, заговорил, как с маленькой (Алиса, понятное дело, и была маленькая, но кому понравится, ежели какой-то кот, хотя бы и удвоенный, решит разговаривать с тобой свысока):

— Надеюсь, деточка, ты согласна с тем, что он...

— ...такой же большой, как и я... — подхватил первый кот, указывая на своего близнеца.

— Ну да, — начала Алиса, — я бы...

— ...такой же умный, как и я... — сказал второй кот.

— Честно говоря, — попробовала ответить Алиса, — я не...

— ...такой же гордый, как и я...

— ...такой же сильный, как и я...

— ...такой же грациозный, как и я...

— ...такой же хитроумный, как и я...

Алиса вертела головой из стороны в сторону так, что голова у неё пошла кругом, а в ушах звенело:

— ...как и я...

— ...как и я...

— ...как и я...

— ...как и я...

А коты всё быстрее и быстрее вопили и бегали вокруг Алисы, так что в конце концов ей удавалось схватывать фразы лишь за самый кончик хвоста:

— ...и я

— и я

— и я

— и я

— и я

— и я...

Алиса уже испугалась, что голова её сейчас отвинтится и кубарем покатится по песку, как вдруг *двукот* смолк. Улыбнувшись Алисе, он торжественно провозгласил в один голос:

— Вот почему мы — сиамские коты-двойняшки!

Сперва Алиса отдышалась. Потом решила, что назовет *двукота* Пинг-Понгом.

«Пинг-Понг звучит очень по-сиамски, — сказала она себе. — К тому же мне легче будет отличать их друг от друга, потому что отныне Пинг будет всегда слева от дефиса — то есть хвоста, — а Понг справа».

глава вторая

— Вы всегда разговариваете таким образом — вперемежку? — спросила она у Пинга и сразу же повернулась к Понгу.

— Всегда, — ответил Понг, и Алиса про себя улыбнулась: наконец-то ей удалось расставить всё по местам.

— Ах, мы ведь смеёмся...

— ...и плачем точно так же...

— ...вперемежку. Хочешь, покажем?

— Очень хочу, — вежливо ответила Алиса, хотя на самом деле ей хотелось смеяться — с такой комичной трагичностью они всё это выговаривали.

— Тогда расскажи нам что- ...

— ...нибудь смеш...

— ...ное, а поскольку нас двое...

— ...оно должно быть вдвое смешнее.

— Не знаю, — задумалась Алиса, — как-то ничего смешного мне в голову не приходит. — И спросила: — А загадку можно? Я знаю одну — очень забавную.

— Валяй, деточка, — тяжело вздохнул Понг.

— Отгадка у неё очень простая, — начала Алиса, — только нужно хорошенько пошевелить мозгами. — От волнения у неё запершило в горле, она прокашлялась и объявила: — Толстяк в шляпе, всегда с морковкой и с тремя угольками — кто такой?

Двукот, погрузившись в размышления, стал расхаживать взад-вперёд по песочку, и всякий раз,

когда две его половины встречались на дороге, их совместный хвост потешно петлял и извивался. Время от времени раздавалось «хм!» в подтверждение того, что Пинг-Понг находится в поиске.

После четырёх таких «хм!» Пинг повернулся к Алисе и спросил:

— Ну как, теперь теплее?

— Ничутьточки, — улыбнулась она. — Чтобы стало «теплее», надо хотя бы высказать догадку.

— Да ну! — удивился Понг. — Я наслышан о разных способах обогрева...

— ...но такого не знаю. Сколько дров мы сэкономим зимой...

— ...высказывая догадки!

— Однако, поскольку... — продолжал Пинг.

— ...сегодня так тепло...

— ...что от лишней до...

— ...гадки можно и пере...

— ...греться, — мы...

— ...сдаёмся.

И оба выжидающе уставились на неё.

— Ах, пожалуйста, подумайте ещё немножко! — взмолилась Алиса, ведь она хорошо помнила, что на первую догадку (а после первой были и другие) у неё ушла уйма времени. Но Пинг-Понг в ответ молчал, и, глубоко вздохнув, она сказала: — Разгадка такая: снеговик.

глава вторая

За этим последовало такое долгое, оглушительное молчание, что Алиса уже готова была провалиться сквозь песок, когда наконец послышался некий звук, на редкость тихий звук — можете себе представить, нечто среднее между сдержанным чихом, икотой и шурханьем детской погремушки, — звук, который в конце концов Алиса расшифровала как:

— Ха

— ха

— хи

— хи

— хо

— хо...

Кажется, никогда в жизни Алиса не слыхивала столь безрадостного смеха. Нужно было срочно менять направление разговора.

— Погода сегодня ужасная, не правда ли... — начала она, но Пинг не дал ей развить тему.

— Нет, нет, нет, только не это, — меланхолически запротестовал он. — Я и так чуть не лопнул от смеха.

— Милочка, тебе следует пойти на сцену, непременно, — сказал Понг с не меньшей серьезностью.

— У меня слёзы до сих пор по усам текут, — сказал Пинг.

И правда, в круглых котячьих глазах стояли слёзы (не знай Алиса, что всё обстоит как раз наобо-

рот, она сказала бы: «то были слёзы скорби бес-предельной»).

— Однако тебе, полагаю, не терпится по... — продолжил *двукот*.

— ...слушать, как мы рыдаем.

— Право, не знаю, — нерешительно покачала головой Алиса, — если вы ничего не имеете против, я бы не хотела... — Коты на её глазах впали в отчаяние, и она тут же нашлась: — Вас огорчать...

— Да что ты, деточка, какое же это огорчение! — вскричал Пинг, любивший всласть порыдять.

Тем временем Понг повернулся к нему и одоб-рительно промявкал:

— Ты просто вынимаешь слова у меня из пасти!

Алиса очень надеялась, что на сей раз ей не придётся ничего рассказывать, потому что от одной только мысли о самой грустной из всех известных ей историй (начиналась она так «Жили-были три королевича...») у неё на глаза всегда наворачивались слёзы. Ну, вот вам и пожалуйста — она уже горестно всхлипнула.

— Подожди! Не так сразу! — закричал Пинг.

— Будь любезна сначала выслушать нас, — потребовал Понг.

Алисе ничего не оставалось, как усесться на песке поудобнее, обняв коленки руками, и слушать.

Пинг торжественно объявил:

— Вот наша история...

глава вторая

— ...про тебя... — сказал Понг, завершив скромный поклон, начатый Пингом (как можно завершить поклон, не начав его, объяснить не могу, сам не понимаю).

— ...именно про тебя! — промяукали они в два голоса.

Алиса ждала продолжения. Но *деукот* как будто проглотил оба своих языка и во все четыре глаза уставился на Алису.

— Что же ты... — наконец, воскликнул Пинг.

— ...молчишь? — сказал Понг.

— А разве я должна что-нибудь говорить? — удивилась Алиса.

— Конечно...

— ...ведь история про тебя *именно*...

— ...а мы не знаем твоего *имени*...

— Как же тебя зовут, дорогуша? — промурлыкал Пинг.

— Алиса, — сказала Алиса.

— Какое совпадение! — вскричал Понг.

— Даже имя сходится! — поддержал его Пинг.

И, набравши воздуха, они начали декламировать стихи — в очередь по строчке:

«Алиса! Алиса,
Не бегай от работы,
Не бегай от работы,
Гони домой стада!»

Припев: Да!

алиса в заиголье

Алиса закричала:
«Ах, где вы, обормоты,
Овечки-обормоты,
Бегите все сюда!»
Привет: Да!

Оба кота, выкрикивая строку за строкой, рыдали и вертели хвостом (совсем как скакалкой, подумала Алиса) и в то же время не спускали с Алисы глаз, что ей сильно не нравилось. Иногда кто-то из них вопрошал:

— Ещё не плачешь, деточка?

Алиса и рада была бы заплакать, да слёзы почему-то не бежали. Однако обижать котов ей тоже не хотелось, и она решила вспомнить «Жили-были три королевича...»; это помогло, и к началу третьей строфы глаза её наконец затуманились.

На зов её примчались,
Примчались бегемоты —
Промчались бегемоты,
Промчались... ох, беда!
Привет: Да!

Остались от Алисы,
Остались только боты,
Остались только боты,
И больше ни следа!
Привет:...

глава вторая

— Ну же! — воскликнул Пинг (потому что последняя строка принадлежала Понгу) и топнул лапой.

Припев:...

Вид у Понга был самый несчастный.

Припев:...

— Ты что, опять... — вскричал Пинг так, что Алиса даже подпрыгнула.

— ...забыл, — подтвердил Понг. — То есть не совсем забыл. К примеру, я совершенно твёрдо помню, что припев начинается с какой-то буквы. Так что, если пройтись по алфавиту, найти будет нетрудно. И по-моему, искать надо где-то в районе «дэ»!

— Дэ! — передразнил его Пинг и в ярости топнул так, что песок из-под лапы брызнул фонтаном.

— В конце концов, эта песнь про тебя, — обратился Понг к Алисе, — кому же, как не тебе, знать припев? Ты его помнишь?

— Ну... если там всё в рифму... — начала Алиса.

— «Ну» ни в какие ворота не лезет, — возмутился Пинг.

— Но... — начала Алиса.

— Никаких «но», — перебил её Понг, — я точно помню, там было «до»... или «ре»... или «ми»...

— Ду-у-у... — вдруг истошным голосом взвыл Понг.

— Сам ты ду... — успел вставить Пинг прежде, чем Понг закончил:

— ...эль!

— Правильно, дуэль! — в восторге согласился Понг.

— Почему дуэль? — удивилась Алиса. — Это совсем не в рифму!

— А потому, — объяснил Пинг, — что всякий раз, когда вот этот типчик, — и он сердито ткнул лапой в сторону Понга, — забывает припев, история кончается дуэлью. Причем дерёмся мы насмерть!

— И сколько у вас уже было дуэлей? — спросила Алиса.

— Дюжина, — беззаботно отвечал Пинг.

— Чёртова, — подтвердил Понг.

— Если бы вы каждый раз дрались насмерть, — рассудительно заметила Алиса, — вас давно бы не было в живых.

— Какую чушь ты несёшь, деточка! — сказал Пинг. — Даже людям должно быть известно, что у всякой кошки девять жизней про запас, а стало быть, у нас на двоих — восемнадцать.

Пинг и Понг стали спиной друг к другу, изогнув хвост посередине на манер огромного вопросительного знака, и в лапах у них клацнули два старинных заржавелых пистолета.

— Откуда они взялись? — удивилась Алиса. — Ведь только что их не было.

— Правила таковы, — деловито объявил Пинг, — каждый из нас делает двадцать шагов, потом поворачивается и стреляет. Надеюсь, до двадцати ты считать умеешь?

— Конечно. — Алиса даже немного обиделась. — Если очень нужно, я и до тысячи могу! Наверное, — неуверенно добавила она.

— Тысяча шагов — великолепная идея! — вскричал Понг, так небрежно размахивая пистолетом, что это стало действовать Алисе на нервы.

— Говорят, тыкать в человека пальцем — неприлично, — не выдержала она, — но тыкать в человека пистолетом, мне кажется, еще неприличней.

Пинг только насмешливо фыркнул и велел Алисе начинать счёт.

Никогда не поверю, что вам совсем не интересно узнать, как сиамские близнецы-коты, сросшиеся хвостом, умудрятся отойти друг от друга на двадцать шагов. Вот и Алисе было так интересно, что она даже не попыталась помирить их, хотя по правилам это следовало сделать. Она торжественно начала отсчёт: один... два... три... четыре... Хвост распрямился, потом натянулся; он натягивался все туже и туже, и Алисе становилось всё интересней и интересней. И чем интересней ей было, тем больше темнело небо, тем больше густели тени от тяжелых облаков, падавшие на песчаный пляж, — казалось, вот-вот разразится гроза.

Так оно и случилось — грянул гром.

«Словно собака рывкнула», — подумала Алиса, вздрогнув от удара, и перестала считать. В тот же миг чуть не на голову ей, будто прямо с неба, свалился котёнок. Он приземлился точно на лапы, — это они умеют! — встряхнулся и удрал прежде, чем Алиса успела перевести дух. Едва котенок скрылся из виду, как почти на то же место упал ещё один, потом ещё и ещё. Полуудивленная-полуиспуганная Алиса увидела, что котята — и, ах! среди них было несколько таких симпатичных щенков! — стали падать вокруг во множестве.

Между тем Пинг и Понг, забыв о своей ссоре, укрылись в маленькой и очень темной пещере.

— Иди сюда, глу... — позвал Пинг.

А Понг добавил с нетерпением:

— ...пышка, не стой под дождем.

— Под дождем?... — удивилась Алиса.

— Ну, подожди, подожди! Пока ещё идут кутята да котята, но ты дождей... — сказал Пинг.

— ...шься, повалят взрослые кошки да собаки, по... — сказал Понг.

— ...помни мое слово! — закончил Пинг (теперь, когда поединок был отложен, они заговорили по-старому, вперемежку).

Выглянув из пещерки, в которую она быстренько спряталась (и в которой то и дело раздавалось: «Потише ты! Потихе!» — «Сам виноват — это моя половина!» — «Ты же мне в глаз захал!»), Алиса подумала, что в жизни не видела ничего более

странного. Сотни кошек и собак (предсказанье Понга сбылось: теперь это были взрослые кошки и собаки, всех размеров, мастей и пород) падали наземь всюду, насколько хватало взгляда. Приземлившись, они скатывались под уклон и сбивались в кучи — «наверное, здесь это называется «лужи»; в «лужах» собаки гонялись за кошками, все больше сужая круги, пока не исчезали вовсе в брызгах песка.

Гроза кончилась так же внезапно, как началась, и оставила по себе лишь следы на песке — беспорядочные и нечеткие.

— Нам пора... — сказал Пинг, высунув лапку проверить, кончился ли дождь.

— ...на выборы, а то опоздаем, — добавил Понг, и они со всех ног припустились по взморью.

Алиса никогда не участвовала в выборах.

«Это тоже может быть интересно», — подумала она и крикнула вслед котам:

— Скажите, пожалуйста, а что за выборы?

— ...всеобщие!... — донесся чей-то голос, то ли Пинга, то ли Понга, Алиса не разобрала. Тем не менее, решив, что в выборах, если уж они всеобщие, она тоже может принять участие, Алиса во всю прыть пустилась вслед за котами.

Глава III

«И в-девятых...»

Сиамские коты-близняшки давно уже превратились в точки на горизонте, но Алиса, не унывая, гналась за ними по песчаному взморью, теперь уже отнюдь не пустынному — оно вдруг наполнилось животными и птицами всевозможных видов. Такого разнообразия существ Алиса в жизни не видела, разве только в книжках с картинками да в зоопарке, «но в книжках, — рассуждала она на бегу, — на каждого зверя — по одной картинке, а в зоопарке — все сидят по клеткам». Единственное, что беспокоило Алису, — как бы её ненароком не раздавили в этакой толчее, а вспомнив стишок Пинг-Понга, она решила держаться подальше — в особенности от бегемотов.

Рядом с ней бежали чистик, сипуха, верблюд и дромадер. Разумеется, первых двух она друг от

друга отличить не могла; что же до двух последних, Алиса сомневалась, кто из них кто.

— У верблюда, насколько я помню, два горба... Или это у дромадера? Какая путаница, — вздохнула она и попыталась вспомнить, чему ее учили в школе: — «Верблюд — корабль пустыни, у него две трубы». Нет, нет, я хотела сказать... Господи, ну почему у меня всё не так? Вроде бы и знаю, но всегда неточно, но вот что я точно знаю, — заключила она, — тот, который из них верблюд, прибыл сюда тем же путём, что и я. Где-то я читала, что верблюд, если очень постарается, может пролезть сквозь игольный глазок... Или там говорилось про ушко?

Она всё бежала и бежала. Над головой жужжала туча жуков: однако птицы почему-то не летели, а мчались по песку на своих двоих, и Алиса — уже не впервой — сделала вывод, что крылатые существа почему-то ужасно любят передвигаться пешком.

— Будь у меня крылья, — сказала она себе, — я бы только летала, я бы летала даже на самые короткие расстояния. «Прошу меня извинить, я должна отлучиться, — говорила бы я, — мне нужно слетать к галантерейщику на примерку!»

Так, грезя наяву, Алиса мчалась вперед, надеясь, что вместе с толпой животных в конце концов доберётся до выборов.

Всё вокруг было таким необычным, что она не слишком удивилась, краем глаза заметив среди

песков поросший травой бугорок, а на нём — слона, вставшего на дыбы. Сначала она подумала, что слон танцует — он весь, от кончика хобота до кончика хвоста, ходил ходуном, но тут же сообразила, что он просто дрожит от страха. С того места, где Алиса стояла (а она, сами понимаете, остановилась, и передышка оказалась ей очень кстати), никак не удавалось разглядеть, чего слон так испугался. Тогда Алиса подошла поближе и увидела — Деревенского Мыша. Он возлежал на самодельном соломенном ложе и ухмылялся, явно довольный впечатлением, которое произвёл на беднягу слона. Алиса никогда бы не смогла безучастно пройти мимо испуганного дрожащего существа (даже если оно куда больше её самой), вот и сейчас она едва не закричала во весь голос, чтобы прогнать прочь наглого Деревенского Мыша, однако, вспомнив свою первую встречу с ним, решила, что повышать голос не стоит.

— Фи! — прошептала она чуть слышно.

Этого было более чем достаточно: её шёпот подействовал на Мыша сильнее трубного гласа целого стада слонов — он с испугу подпрыгнул, перевернулся в воздухе, заверещал:

— Спаси и *памилуй!!!* Апять эта *камета!* Щас рванет! — и пропал в облачке пыли.

Слон тем временем достал из хобота носовой платочек («точно как я — из рукава», — подумала Алиса) и старательно вытер со лба пот. Платок у

него был красивый, шелковый, с изящно вышитым в уголке именем: *С. ЕЛИФАНТ*. Слона все ещё была легкая дрожь, но убедившись, что Деревенский Мыш исчез, он фыркнул ему вслед:

— Козявка, а туда же — солидных зверей задирает! Хулиган!

Алиса не знала, отчитать ей великана или утешить. Решила отчитать, но поласковой:

— Как тебе не стыдно? Такой большой, а испугался мышки!

Слон Елифант потупился.

— Неужели вы совсем не боитесь насекомых, а? — только и сказал он.

— Насекомых? — удивленно переспросила Алиса. — Если честно, то насекомых я не очень-то люблю. Но ведь мыши не насекомые.

— Это смотря какого вы сами размера, — заметил Елифант и трубно продул хобот в носовой платок (проще говоря, высморкался, только гораздо, гораздо громче, чем это делаем мы).

В тот же миг мимолетная *буквашика* прожужжала у самого Алисиного уха, и она в ужасе отшатнулась.

— Ну вот, видите! — сказал Слон, постепенно смелея.

Алиса успела уже выслушать столько всякой чепухи и несуразицы, что почти привыкла не удивляться, но всё-таки удивилась, услышав свой собственный поучающий голос:

— Даже если мышь для тебя так же мала, как для меня — жук, все равно мышь от жука отлична...

— ...сказано! — протрубил Елифант, демонстративно засовывая платок обратно в хобот. — Отлично сказано! И давай не будем больше тратить на это время. В особенности потому...

Его прервал отдалённый вопль:

— Выборы! Выборы! Начинаем!

— Так-так! — воскликнул слон, качнув бивнями. (Алисе же послышалось угрожающее: Тык! Тык!) — Мы можем опоздать на прения. Поехали!

И не успела Алиса опомниться, как он, обхватив её хоботом, поднял с земли и усадил себе на спину. Ощущение было такое, будто её усадили на велосипед — не детский о трёх колесах, а двухколесный, да ещё и взрослый. «И не просто взрослый, а цирковой для взрослых слонов», — подумала Алиса и, чтобы не упасть, ухватила обеими руками за огромные слоновьи уши, как за руль.

И Слон помчался.

Он мчался с такой скоростью, что ветер, бивший в лицо, не давал Алисе даже вдохнуть, и всё же она сумела выдохнуть:

— Куда мы едем?

— В Ай-да-Парк, — ответил Слон и пояснил: — Говорят, будто в городе Лондоне есть парк с похожим названием, а назван он так потому, что люди, собираясь его посетить, говорят: «Айда в Парк», а возвращаясь оттуда, качают головами и

вздыхают: «Ай да Парк!» Официально же он именуется: «Детский Сад Политических Игр».

— И во что в этом Ай-да-Парке играют?

— В казаков-разбойников, разумеется, или в прятки, — проревел Слон и перешёл на галоп, так что им стало не до разговоров.

Теперь они мчались с такой скоростью, что гляди не гляди вокруг — всё равно ничего не поймёшь: земля смазалась, и по сторонам пролетали какие-то смутные пятна. Когда же Слон наконец остановился (а затормозил он так резко, что, не держись Алиса за уши, она бы кубарем скатилась по хоботу наземь), оказалось (и нечему тут удивляться), что песчаного взморья как не бывало. Вокруг простирался зелёный парк со сверкающими фонтанами и тенистыми дорожками, с удивительно прохладным на вид ручейком, который извивался среди лужаек, скользя в траве серебристой змейкой.

— Значит, это и есть Ай-да-Парк, — сказала себе Алиса. — Неужели и вправду придется играть в прятки? Ведь слону здесь вовсе негде спрятаться — всё на виду.

Алиса очень надеялась, что не придется — она не любила играть в прятки.

— Потому что, когда я вожу, — объясняла она, — мне всё время кажется, будто я потеряла что-то и никак не могу найти — в этом нет ничего забав-

ного, а когда я прячусь — ещё хуже, потому что мне не хочется, чтобы меня нашли, но не хочется и чтобы меня потеряли навсегда, так что в конце концов я сама начинаю теряться... потому что не знаю, чего же мне хочется. В дочки-матери играть куда приятней.

Но ни прятки, ни казаки-разбойники ей, похоже, не грозили, потому что Слон направился в дальний угол парка, где уже собрались почти все звери и птицы, расположившиеся полукругом. Но прежде чем прибывшие заняли свои места, было много топанья и шлепанья с места на место, много крику и хлопанья крыльями. Слон Елифант из-за своих габаритов вынужден был остаться в задних рядах, Алиса же со всей учтивостью, на какую была способна (главное, не наступить на кого-нибудь очень уж мелкого), пробилась сквозь толпу, чтобы посмотреть, ради чего собралась сюда вся эта почтенная публика.

На ящике из-под мыла, поджав одну лапу и обратившись клювом к собравшимся, стояла желтоперая тучная птица. В когтях она сжимала свернутый пергаментный свиток и нетерпеливо постукивала им по краю ящика. Алиса самым внимательным образом оглядела эту птицу, занимавшую место председателя, — таких она ещё не видела и очень хотела выяснить, как эта птица называется. Оглядела ещё разок — да вдруг и узнала.

— Ах, как видно, это — Эму!

(Посмотрите на картинку, и сами поймёте, как Алиса об этом узнала.)

— *Очень, очень видный, очевидный Эму — **писанный** красавец*, — проговорил за спиной у Алисы тоненький голосок, который на слове **писанный** как будто чуть-чуть утолщился.

Говоривший говорил *курсивом* — это Алиса сразу поняла, хотя, как это ей удалось, объяснить она не смогла бы, — просто всё прозвучало с каким-то странным иностранным акцентом, с каким-то изящным наклоном, без обычной прямолинейности и прямостоячести (очень надеюсь, что вы понятливей меня, потому что сам я ничего из сказанного не понял). В гуле толпы Алиса различила два выделявшихся голоса и какое-то странное пощелкивание; она обернулась.

Прямо у неё за спиной стояло пожилое китобразное в чёрной, пропитавшейся пылью профессорской мантии и академической шапочке с кисточкой; под одним плавником у него была зажата трость, под другим — толстая тетрадь в красном сафьяновом переплёте. А кисточку на профессорской шапочке подстригала некая личность, которую Алиса сразу же прозвала *Цирюльником*, и родом он был, конечно же, из Италии. («Я об этом сразу догадалась, — впоследствии объясняла Алиса своей сестре, — потому что *курсив* называют ещё *италикой*, разве я не права? Да и выглядел он как самый настоящий *италиец*».)

Цирюльник был ростом вдвое меньше своего клиента, лицо имел белое-белое от пудры, волосы чёрные-чёрные и выющиеся, а усы закрученные штопором и напояженные. Что Алису удивило, так это ножницы, которыми *Цирюльник* подстригал профессорскую кисточку — вместо ножниц клацал челюстями маленький чешуйчатый Крокодилчик; вместо гребёнки была тысяченожка, а с плеча у *Цирюльника* небрежно свисал какой-то длинный и узкий Глубоководный Гад — «наверное, этот червь служит ремнем для правки опасной бритвы», — подумала Алиса, забыв удивиться нелепости всего зрелища в целом.

— Прошу прощения, — вежливо обратилась она к *Цирюльнику*. — Кажется, вы что-то сказали?

Ответил ей профессор.

— Не трудись понапрасну, — проговорил он, осторожно отстраняя Крокодилчика, — всё равно он не поймет, он изъясняется только на *курсиве*. Я бы мог ему перевести, но для этого надо изменить курс, поменять наклонение, избежав при этом падежа, произвести округление и пр., и пр., и на все потребуется немало времени.

— Никогда в жизни, — разинула рот Алиса, — я не встречала китов, тем более в профессорской мантии.

— Положение обязывает, — последовал ответ. — Я занимаю должность заместителя директора Высшей Китовой Школы. Да, я, кажется, забыл представиться: меня зовут Дэльфин (ударение, пожалуйста, на первый слог) Косаткинд. Потому что на самом деле я дельфин косатка, кровожаднейший из людоедов...

И хотя при этих словах лицо профессора озарилось самой милой, самой добродушной улыбкой, Алиса в ужасе отшатнулась.

— Дитя моё, я ведь сказал: «людоед»! «Детоед» или «девочкоед», согласись, звучит как-то не очень красиво, и я скорее умру с голоду, чем съем маленькую девочку. В этом отношении все косатки чрезвычайно щепетильны, а Косаткинды особенно. Не говоря уж о том, что я желаю, чтобы ты сво-

ими ушами услышала некий запрос, который я собираюсь вчинить председателю! А для этого ты должна быть жива, здорова и в отличной форме. Кстати, вопрос мой облачен в форму стихотворения, а стихотворная форма весьма отлична от прозаической, а уж профессорская или даже военная форма ей в подмётки не годится! Впрочем, не будем отвлекаться. Стихотворение называется: «Не было гвоздочка». Да ты, должно быть, его знаешь?

— Конечно, — с радостью подтвердила Алиса. — Я читала этот стишок, и не один раз. Поэтому вам вовсе не обязательно...

Но Дэльфина уже нельзя было остановить. Он стал в позу и продекламировал:

— «Не было гвоздочка... — трам-пам-пам... трам-пам-пам... — и король убит».

Гордо выпятив грудь, он застыл на некоторое время, как Памятник Поэту, после чего обратился к Алисе:

— Ну как, милочка, что ты об этом думаешь? Конечно, в этом опусе я кое-что опустил. («Да уж, хорошенькое *опущение*», — подумала Алиса.) Зато осталась самая суть. Уверен, что Эму такой вопросик не по зубам.

Алиса была того же мнения, хотя и по иной причине: она точно знала, что птиц с зубами не бывает, но спорить не стала, лишь спросила:

— Скажите, пожалуйста, а что будут выбирать?

— Боже мой, понятия не имею, — ответил Дэльфин с легкой улыбкой.

Между тем Эму торжественно раскатал свиток (все сразу примолкли) и водрузил на свой костяной нос огромное пенсне (а стёкла у пенсне были такого размера, что через каждое из них приходилось смотреть в оба глаза — по очереди).

— Хм! — громко кашлянул председатель, призывая к тишине.

— Слушайте, слушайте! — тут же раздался голос из публики. К удивлению Алисы, оказалось, что голос принадлежит Крокодильчику.

Сердито глянув на нарушителя сначала через одно очко своего пенсне, потом через другое, оратор проорал:

— Друзья мо...

— Слушайте, слушайте! — снова крикнул Крокодильчик.

— Если он станет все время прерывать, — шепнула Алиса Дэльфину, — то и слушать будет *ничего*.

— Ничего не поделаешь, — ответил профессор, нежно глядя на крикуна, — после стрижки кисточек его любимейшее занятие — внимать разумным речам.

Эму попытался продолжить:

— Если мне будет позволено...

— Слушайте, слушайте! — прервал его Крокодильчик.

На этот раз чаша терпения Эму (интересно, видел ли кто-нибудь когда-нибудь эту самую чашу?) переполнилась, и, обернувшись к *Цирюльнику*, он очень строго произнес:

— Если ваш Крокодил хоть разок ещё крикнет, я ему так крикну, что от него не останется и клочка крокодиловой кожи на портмоне! Понятно?

— К сожалению, — заговорил Дэльфин, — Ваше э... э... Ваше Эмство, видите ли, *Цирюльник*, он — иностранец и понимает только *курсив*. Тем не менее я почту за честь перевести ему ваше любезное замечание, потому что сам я, видите ли, немножко в *курсе* и могу совершить краткий *экскурс* в историю *курсива* и рассмотреть его в разных *ракурсах*, однако боюсь, что при переводе может пострадать ваше э... э... *эмущество* — я имею в виду ваши словесные украшения. *Тем не менее...*

— Да перестаньте вы *тем-не-мнить*! — вскричал Эму.

Дэльфин явно собирался рассыпаться в еще более изящных извинениях в ответ на последнее замечание председателя, но передумал и приступил к переводу устного послания председателя *Цирюльнику*. После перевода, как вы понимаете, оно выглядело так:

— Если ваш Крокодил хоть разок ещё крикнет, я ему так крикну, что от него не останется и клочка крокодиловой кожи на портмоне! Понятно?

Поскольку напудренное лицо *Цирюльника* было и так бело — белее некуда, ему пришлось покраснеть не хуже красной девицы. Отвешивая смущённые поклоны в сторону Эму, он сдернул с плеча Глубоководного Гада, натуго обмотал им Крокодилчиковы челюсти и завязал морским узлом с изящным бантиком наверху.

«Так вот для чего существуют Гады, — подумала Алиса, — вовсе не для того, чтобы править на них опасные бритвы. Никогда бы не догадалась!»

Эму наконец приступил к своей речи. И только одна Алиса жалела о горькой участи Крокодилчика: разумеется, преступление имело место, однако наказание казалось ей чрезмерным.

«Но хуже всех несчастному Гаду, — вздыхала про себя Алиса. — Уж он-то совсем ни в чём не виноват, а его взяли и завязали узлом — кому это может понравиться? Я бы с удовольствием его утешила, да только узел такой хитрый, такой путаный, что и не понять, где у бедняги начало, а где конец. Вот этот кончик наверняка начало, — продолжала она, потянувши за один из свободных хвостиков и разглядывая его. — Но головы тут что-то не видно, во всяком случае, ни глаз, ни рта. Значит, начало — на другом конце. Что же мне делать? Ведь его скрутили и спутали так, что мне век не распутать. И внутри у бедняги, наверное, тоже всё перепуталось!»

Алиса безуспешно пыталась хоть как-то ослабить узел, которым была стянута Крокодилчиково-

на пасть, а из крокодильих очей выкатилась одна-единственная слезинка (может быть, слезинок было две — по одной на каждое око). Затем, убедившись, что опасные зубастые челюсти крепко обхвачены гадскими узами, Алиса принялась поглаживать узника, ласково приговаривая:

— Ну, хватит, хватит...

Однако Эму так грозно глянул на неё сквозь одно из своих очков, словно сказал: «Погоди, уж как хватит, так хватит — руку отхватит!», и Алиси-на рука сама отдёргнулась прочь.

— Он не стоит твоей жалости, — прошептал Дэльфин, — потому что у крокодила, как известно, и слёзы крокодиловы.

Эти слова показались Алисе не совсем лишёнными смысла, и она решила больше не отвлекаться от речи Эму.

«Наверное, у этой речи слишком быстрое течение», — подумала Алиса, потому что, как только прислушалась, сразу услышала:

— И в-девятых...

— Интересно, а что же было между «во-первых» и «в-восьмых»?

Однако, как она ни старалась, угнаться за председательской мыслью ей не удавалось. Мелькали Дефиниции, Аксиомы и Постулаты, а за ними какие-то Ротации и Фрустрации; несколько раз упоминались Капустаяция и Морковенция, вызывавшие в стане кроликов сильное волнение.

Единственная соломинка, за которую она временами ухватывалась в этом потоке, были слова: «Друзья мои!» Услышав их, половина публики вскакивала и настораживала уши, зато другая половина почему-то принималась болтать или забивать козла. Однако стоило Эму, заломив шею, вскричать «Несчастные!», как всё менялось местами, и «друзья» переставали его слушать.

«Из чего следует, — сделала вывод Алиса, — что дружба с Эму — гарантия счастья».

Она всё ещё пыталась разобраться в «в-деся-тых», когда оратор закончил свою речь словами:

— ...вот почему я рекомендую вам всем проголосовать за меня! — И проорал это так громко, что перья у птиц в первом ряду стали дыбом, как от порыва ветра, и те, что клевали носом, разом проснулись, а Пятнистая Поганка, хлопая крыльями, яростно набросилась на Алису:

— Не смей обвинять меня в том, что я спала! Я ни разу даже глаз не сомкнула! — хотя бедная Алиса ничего такого и не говорила.

Тем временем Эму скатал пергаментный свиток, после чего спросил, нет ли у кого вопросов. И сразу над собранием повисла могильная тишина, а некоторые из птиц даже спрятали голову под крыло. Вспомнив о том, что профессор Дэльфин Косаткинд собирался кое-что, как он выразился, *вчинить* председателю, Алиса сперва со значением взглянула на Дэльфина, но это не по-

действовало, и тогда она тихонечко толкнула его в бок.

— Э-э-х! — довольно громко произнес профессор, и Алиса заподозрила, что он тоже малость соснул.

Однако, обнаружив, что на него обращены взоры всего собрания, профессор тут же вновь закрыл глаза, прижал один плавник ко лбу и застыл в позе мыслителя; наконец он произнес:

— Когда была битва при Гастингсе? А ну-ка, попробуйте ответить!

Это был вовсе не тот, стихотворный, вопрос, которого Алиса ждала. Однако он понравился ей даже больше.

— Гастингс — это, кажется, где-то в Англии? — спросил Эму, возмущенно топорща жёлтые перья. — Очень странный, очень подозрительный вопрос.

Алиса возликовала: Эму не ответит, и тогда она сможет блеснуть своими познаниями (совсем недавно ей попалась книжка про эту самую битву, книжка была мальчишечья, скучная — сплошные драки, но вот ведь — пригодилась).

Однако Эму ответил:

— Если уж господину профессору так необходимо знать, когда это было, пусть запишет в своей тетради, а я продиктую. Пишите: «десять»... Записали? Дальше: «шестьдесят шесть». Вот вам и ответ!

Раздались жидкие аплодисменты.

Алиса немножко огорчилась — ответ был правильный: 1066 год.

— Ничего подобного! — улыбнулся профессор. — Ответ неправильный: нет такого времени — «десять шестьдесят шесть».

— Ну, ладно, — вздохнул Эму, — если вам так угодно, то случилось это в одиннадцать часов и шесть минут. На самом деле битва должна была начаться ровно в одиннадцать, но король Гарольд, по прозвищу Недотёпа, ну, скажем так, малость к ней опоздал. Ещё вопросы есть?

Алиса довольно смутно представляла себе процедуру выборов, но вопрос Дэльфина явно не имел прямого отношения к делу, и она решила сама задать вопрос в лоб.

— Что вы нам пообещаете? — выкрикнула она, вспомнив, как взрослые, возмущаясь, говорят о каких-то предвыборных обещаниях.

Эму бросил на неё испепеляющий взгляд, такой, что любая другая девочка на её месте сгорела бы со стыда и от неё осталась бы лишь горстка пепла.

— Хм! Что я пообещаю? Ну, я пообещаю... я пообещаю... я пообещаю никогда не нарушать своих обещаний — вот что я пообещаю! Следующий вопрос!

Ответ Алису не вполне устроил — она просто его не поняла и поэтому продолжила:

— В таком случае за кого вы стоите?

глава третья

— Я стою за **Ы**, — ответил Эму с вызовом, так, словно была задета его честь.

— У-у-у! — удивленно протянула Алиса, вытянув губы дудочкой; это заявление показалось ей самым любопытным из всего услышанного.

— А за **У** стоит Гну! — отчеканил Эму.

Алиса покрутила его слова в голове и пришла к выводу, что в них есть смысл.

«В конце концов, — размышляла она, — **Ы** — не хуже других. Немного туповата, это правда — попробуйте-ка пропеть слово «бы-ы-к», — но что поделать, такой уж она уродилась. Бедная **Ы**!... — Тут Алиса запнулась и поправилась: — Бедный **Ы**! Пожалеть его надо — ан нет: все его оттесняют, всегда держат на вторых ролях — ставят только в конец да в серединку. Где это видано — заглавное **Ы**? А он... нет, оно...»

— Я с вами полностью согласен, — заявил Эму, словно прочёл её мысли. — **Ы** достойно лучшей участи. На этот случай у меня есть стихи.

И он прочитал:

Когда бы, если бы, кабы
писалось **И** на месте **Ы**,
ловили б **мИ**шек кисы
и стали б лысы **лИ**сы,

пИлила бы дорога,
поскольку **пИ**ли много,

алиса в заиголье

на завтрак съели б **СИ**ра,
а в дождик стало б **СИ**ро.

А если бы из буквы **Ы**
мы единицу вычили бы,
все крыши стали б кр**Ь**шами,
а мыши стали б м**Ь**шами,

и все кричали б: — к**Ь**ш! —
едва завидев м**Ь**ш!

Когда бы, если бы, кабы
не стало бы на свете **БЫ**,
тогда бы вместе с «если»
и все мечты исчезли,

исчез бы мир чудесный,
навек неизвестный.

— Благодарю вас, — вежливо сказала Алиса. —
Необыкновенно интересные стихи!

— Надеюсь, вы нашли в них ответы на все вопросы, — самодовольно улыбнулся Эму.

— Да, почти, — вздохнула Алиса. — Смысл у этих стихов очень глубокий, но я до него почти докопалась. А если бы ещё отдать их в *печать* и потом *почитать* глазами, я почти уверена, всё стало бы на свои места.

— Сударыня! Поэзию следует *почитать* в любом виде! — припечатал Эму. — А что касается *пе-*

чати, то на этих стихах лежит *печать* гения, и никакой другой не надобно!

— Наверное, — смутилась Алиса, — этот гений — неизвестный.

— Неизвестный?! — вскричал Эму, привстав на цыпочки и выпятив грудь. — Да все эти Неизвестные, Бездомные, Бедные и Горемычные когтя ломаного не стоят! Потому что гениальный и всем известный автор сих стихов, сударыня, это — я!!!

Заявление председателя вызвало бурю негодования со стороны Деревенского Мыша, который заявил, что автор этого стихотворения именно он, Мыш. Потому что оно подписано «Неизвестным», а Неизвестный, как всем известно, это — Аноним. Между тем, продолжал Мыш, Аноним есть уменьшительное от Анонимыша, потому что первое, как минимум, на две буквы меньше второго. А то, что Анонимыш и есть он, Мыш, — это и Ежу понятно. (При этих словах Еж свернулся клубком и стал похож на утыканный иголками шар для игры в кегли, каковым на самом деле и был — правда, не здесь, а в Стране Чудес.)

— Тем более что никто, — продолжал Деревенский Мыш, — никто, кроме мыши, не смог бы написать столь вдохновенную оду мышам, как эта, впрочем, как и все другие, подписанные Анонимом. И пусть, кто может, докажет обратное!

Однако, поскольку Мыш заявил также, что он — автор «Полного собрания сочинений Шекспира», никто не принял его притязаний всерьёз.

После дебатов началось голосование и подсчёт голосов. Кандидат был один, и Алиса решила, что процедура много времени не займёт. Эму поднял маленький молоточек и прокричал:

— Кто больше?

Первой ответила Малая Поганка, следом за ней Ёж, потом Аист, и так, один за другим, собравшиеся выкрикивали цифры, поднимая их всё выше и выше.

— Это похоже вовсе не на выборы, — сказала Алиса Дэльфину, — а скорее — на торги.

— Между тем и тем, дитя моё, разница небольшая, — рассмеялся профессор, пожав плечами, точнее, тем местом, где у него были бы плечи, если бы они у него были.

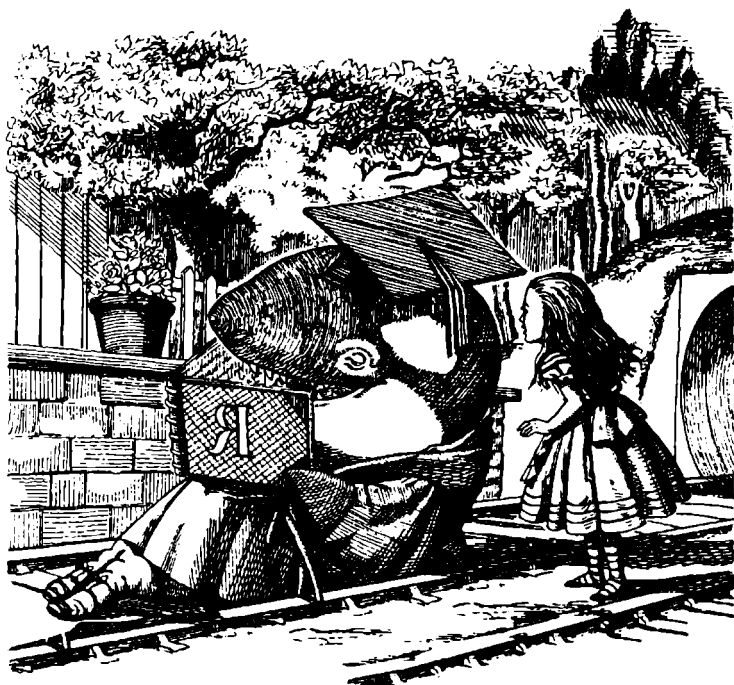
В конце концов, единственной «воздержавшейся» оказалась Алиса, и под строгим взглядом Эму она торопливо проголосовала так же, как остальные. Эму поднял молоточек и провозгласил:

— Продано — раз... Продано — два... Про... — тут он спохватился, смутился, поперхнулся и поправился: — Подано — раз!.. Подано — два!.. Единогласно!

Раздался стук молоточка, и в тот же миг все присутствующие, к изумлению Алисы, исчезли. Она одна осталась в Ай-да-Парке.

Глава IV

Собственноручное жизнеописание Дэльфина Косаткинда

Нет, всё-таки не одна. Невдалеке Алиса заметила профессора с *Цирюльником*, которые явно направлялись в её сторону. Она видела, как Дэльфин открыл тетрадь — ту самую, в красном сафьяновом переплёте, — и сделал в ней пометку толстым карандашом, предварительно облизав грифель языком (потому что, как впоследствии объяснил профессор, он плохо отточен). Между тем *Цирюльник* на ходу занимался тем, что вычёсывал клочки шерсти из замахрившейся профессорской мантии, используя для этого нечто, похожее на щенка, столь шерстистого, что на месте каждого вычесанного клочка, как заметила Алиса, щенок оставлял с дюжину собственных, так что мантия всё больше зарастала махрушками.

Подойдя, Дэльфин ласково улыбнулся Алисе и воскликнул:

— Вот и ты, дитя моё! Тебя ведь зовут Борисом, не так ли?

— Вовсе не так, — ответила Алиса, несколько ошеломленная вопросом. — Я, с вашего позволения, Алиса.

Бедный Дэльфин в свою очередь был совершенно обескуражен; он заглянул в тетрадь и пробормотал:

— Не Борис? Как же так — не Борис? С чего бы мне ошибиться — понятия не имею! — И снова обратился к Алисе: — Ты уверена, что ты не Борис? Подумай хорошенько, дитя моё, это очень важно. А вдруг ты вспомнишь, что у тебя плохая память на имена?

— У меня замечательная память на имена, — отвечала Алиса и, чувствуя себя немножко дурочкой, добавила: — Особенно на моё собственное!

— Хм, я понимаю твою позицию, понимаю, — проговорил Дэльфин задумчиво и так долго вчитывался в раскрытую страницу, что Алисе стало страх как любопытно, что же там написано, потому что единственное, что она видела, — это заглавное **Я** на обложке. Вдруг профессорский лик просветлел, и Дэльфин стал повторять нараспев: — Бориса — Алиса. Алиса — Бориса.

— Ах, я глупец! — вскричал он, с близоруким прищуром рассматривая запись в тетради. —

Очень похоже, да-да, очень похоже, что на самом деле здесь написано «Алиса»! Посмотри, дитя моё, я не ошибаюсь?

Дэльфин протянул тетрадь, так чтобы Алиса могла в неё заглянуть. Страницы были кругом — сверху донизу, а местами даже на полях — исписаны каракулями, на фоне которых отчетливо читалось: «Я ВСТРЕЧУ РЕБЕНКА ЖЕНСКОГО ПОЛА ПО ИМЕНИ БОРИС». Написано было совершенно ясно: «Борис»; но Алисе совсем не хотелось огорчать Дэльфина (который буквально сверлил ее взглядом, изнемогая от нетерпения), и кроме того, она понимала: вряд ли профессору посчастливится когда-либо встретить ребенка женского пола с именем Борис... В конце концов она проговорила, важно растягивая слова:

— Да-а, если посмотреть на это искоса... да ещё как следует прищуриться... да держать подальше... ну, тогда, можете не сомневаться, здесь написано «Алиса».

— Превосходно, превосходно! — воскликнул Дэльфин с явным облегчением. — Я был бы весьма огорчён, если бы ты оказалась Борисом в то время, как у меня записано «Алиса», — нам пришлось бы расстаться, едва познакомившись. — Он снова вытащил тупой карандаш, лизнул его пару раз и что-то начертил на полях против вышеуказанной фразы.

— Вы, пожалуйста, не подумайте, я знаю: любопытство — порок, — вежливо сказала Алиса. — Но мне ужасно любопытно, что там у вас написано.

— Это моё *Собственноручное Жизнеописание*, — просто ответил Дэльфин.

Алиса призадумалась. Конечно, она была сильна в арифметике, однако, чтобы понять это мудрёное название, ей пришлось бы сначала разделить каждое длинное слово на два, потом снова сложить в том же порядке, а это требовало времени. Между тем Дэльфин продолжал:

— Видишь ли, дитя моё, я очень рассеянный дэльфин...

— Совсем как мой двоюродный дедушка! — вскричала Алиса, забыв, что прерывать старших неприлично. — То есть нет, дедушка у меня — не дэльфин, — поспешила добавить она, чтобы не вышло путаницы, — но... — И она умело изобразила свою двоюродную бабушку: — «Вы не поверите, сколько раз он выходил из дому с зонтиком, а возвращался без него!»

— Какие пустяки, — отозвался Дэльфин с меланхолической улыбкой. — Вот я рассеян так рассеян: я почти всегда ухожу без зонтика, а возвращаюсь с ним! Я так рассеян, — продолжал он, всё более воодушевляясь, — что порой забываю, что я рассеян, и тут же всё вспоминаю!

— И, наверное, первое, что вы вспоминаете, это вашу рассеянность? — спросила Алиса.

— Именно так! А это значит, что я тут же всё забываю снова! Да, так о чем мы говорили?

— О том, что вы очень рассеянный дельфин...

— Ну конечно же! И поэтому много-много лет тому назад — поверь, дитя моё, это было очень, очень давно — в незапамятные времена! — я решил написать историю всей моей жизни наперёд, чтобы потом прожить её, как по писаному. Это единственное надёжное средство от забывчивости. Разумеется, — добавил он, — порою случаются досадные сбои, и тогда я немного отстаю от графика. — На этом месте он как-то странно дернулся и, сердито глянув на *Цирюльника*, который суетливо расчёсывал тысяченожкой кисточку его шапочки, закричал *курсивом* — *Убирайтесь! Из-за вас я и так уже опаздываю!*

Цирюльник, сунув тысяченожку в нагрудный карман своего пиджака, стал пятиться прочь, кланяясь так часто и так низко, словно имел намерение прострочить носом землю.

Профессор ещё некоторое время ёжился и подёргивался, будто за шиворот ему попала нитка из кисточки. Потом, успокоившись, вновь обратился к своему *Собственноручному Жизнеописанию*.

— Итак, — сказал он, посасывая кончик карандаша, — в данный момент моей жизни мы находимся вот где: «Я вернусь домой на поезде в сопровождении вышеупомянутого Бориса...» Хм, между

Борисом и Алисой мы условились поставить знак равенства. А поезд отходит через три минуты.

— Тогда, наверное, нам надо поспешить? — воскликнула Алиса, озираясь в поисках вокзала.

— Вовсе нет, — беспечно отвечал профессор. — В точном соответствии с моим *Жизнеописанием*, я, к великому сожалению, опоздаю на этот поезд. Зато у нас будет много времени до следующего. Однако, дитя моё, не забудь мне напомнить, чтобы я как следует огорчился. Подобные мелочи, как правило, вылетают у меня из головы.

Алису разбирал смех, но она собралась с силами и ответила совершенно серьёзно:

— Можете на меня положиться. И всё же, почему вам так хочется опоздать на поезд? Куда проще и удобней успеть на него.

Дэльфин некоторое время размышлял над этим. И вдруг спросил:

— Хочешь сыграть в крестики-нолики?

— Конечно, — обрадовалась Алиса. — Только интересно, при чём тут...

— Вот я и говорю, — продолжил профессор. — Какой интерес играть, если крестики есть, а ноликов нет. Или наоборот. Так и в жизни — то крестик, то нолик, то крестик, то нолик. — И добавил, довольный столь удачным сравнением: — Главное в жизни — знать, где поставить крестик, а где нолик.

— Это я понимаю, — проговорила Алиса, помолчав. — Но неужели вы никогда не жалеете о

том, что всё записали заранее? Я так люблю неожиданности — даже больше, чем пирожные, а у вас их, судя по всему, уже не будет.

— Не забывай, дитя моё, — ответил Дэльфин, — это *Жизнеописание* я написал так давно, что для меня каждая следующая строчка — сюрприз. К сожалению, не всегда приятный. Сама посуди: открыл я эту страницу моей жизни, чтобы знать, что мне *предписано* делать *сейчас*, но не удержался и заглянул дальше, хотя это и против правил. А там написано: «едва я прибуду на станцию, как на меня нападёт шайка ужасных разбойников, в результате чего я буду привязан к рельсам». И только ты, дитя, именно ты спасёшь меня от гибели под колёсами поезда. — Говоря это, он был так спокоен, словно ничуть не сомневался, что Алиса способна на такой подвиг. — Наверное, в тот момент, когда я писал эти строки, — объяснил он несколько смущенно, — подобное приключение казалось мне забавным. Сегодня я в этом не так уверен. — И профессор Дэльфин Косаткинд, заглянув в своё ближайшее будущее, пригорюнился.

Наконец они добрались до маленькой сельской станции. Эта станция с её аккуратными кадучками для растений и цветочными клумбами перед вокзалом, с недавно выметенной платформой и с полутёмным, уютным залом ожидания показалась Алисе самой красивой, самой замечательной из всех известных ей железнодорожных станций.

В зале ожидания обнаружилось и П-образное окошечко билетной кассы, но за ним было темно, и Алиса решила, что кассира там нет; однако Дэльфин, заглянув в темноту, попросил:

— Два билета для меня, пожалуйста, и один для моей юной спутницы.

Алиса удивилась. На языке у неё так и вертелся очередной нетактичный вопрос, но она уже прекрасно понимала, что получит ответ ещё более нетактичный, и всё же любопытство взяло верх — когда Дэльфин протянул ей билет, она сказала:

— Большое спасибо! Но почему для себя вы купили два?

— Я всегда плачу за два места, — объяснил профессор, — потому что так волнуюсь в дороге, что просто выхожу из себя. Имея такую привычку, было бы нечестно покупать один билет.

И на этот раз Алиса мужественно не рассмеялась, но это потребовало от неё ещё больших усилий, и всё-таки, выйдя на платформу, она не забыла напомнить профессору о том, что ему предписано огорчиться из-за опоздания на предыдущий поезд.

— Ах, благодарю тебя, дитя моё! А я, как видишь, совсем запамятовал, — проговорил он с вежливой улыбкой и затем (попросив её «не счесть за труд присмотреть за тетрадью и тростью») впал в такое неопишемое отчаяние, что Алиса была просто потрясена. Он заламывал плавники, он метал-

ся взад-вперёд по платформе, стена и плача и никого вокруг не замечая (впрочем, на платформе никого и не было, кроме Алисы, а в её сторону Дэльфин ни разу не взглянул). — О, святые угодники! Или я не говорил, что мы опоздаем к поезду? Не говорил? Да? А вы разве слушали? Нет! Вам, конечно, виднее! «Что знают об этом угодники?» — говорили вы. «У нас сколько угодно времени!» — говорили вы. Вот уж, воистину — «сколько угодно времени»! Негоже вам было говорить так! Ибо теперь у нас больше времени, чем следовало бы, больше, чем следов от ног тысяченожки!

И вдруг профессор умолк и разом успокоился.

— Запомни, — обратился он к Алисе, — ничто так славно не разгоняет кровь, как небольшое причитание во весь голос. Попробуй — сама убедишься. — И он бодро черкнул что-то на полях. — Дальше — разбойники, — вздохнул он. — Похоже, на всё про всё у нас остается минут пять.

Загвоздка была в самих разбойниках — их не было! Пустая платформа оставалась пустой; Дэльфин заглянул в зал ожидания, в кабинет начальника станции, он осведомился в кассе, не покупала ли шайка ужасных разбойников билеты на этот поезд; и чем меньше оставалось времени до поезда, тем более невероятным представлялось их появление.

— Куда же они подевались? — бормотал профессор, озираясь.

— А может, они тоже написали *своё жизнеописание*, — осмелилась предположить Алиса, — и там написано, что они должны опоздать на следующий поезд, как мы опоздали на предыдущий. — Она хорошенько всё обдумала и была уверена в правоте своих слов — это, с её точки зрения, была самая разумная мысль из всех, высказанных сегодня.

Однако Дэльфин молча уставился на неё («так, будто я с ума сошла», — впоследствии рассказывала Алиса своей сестре), потом начал обмахивать ей голову свдм *Собственноручным Жизнеописанием*; да только этот веер оказался тяжеловат — толку от него не было никакого, зато Дэльфин очень быстро запыхался и вспотел.

— Как тебе в голову могло прийти такое! — закричал он, по мнению Алисы, довольно грубо. — Сядь, дитя мое, и выброси это из головы! Давай, давай, выбрасывай! У тебя, верно, жар! — И он прямо-таки *пхнул* бедную Алису на ближайшую станционную скамейку.

Однако не прошло и минуты, как профессор снова заставил её встать на ноги.

— Боюсь, другого выхода у нас нет, придётся всё делать самим. К счастью, у меня всегда с собой бечёвка про запас, как раз на такой случай, — сказал Дэльфин Косаткинд, выуживая из-под мантии моток. — На самом деле, — прошептал он Алисе на ухо, хотя платформа по-прежнему была совер-

шенно пустынной, — я ношу её при себе, потому что верёвочка всегда пригодится — например, завязать узелок на память.

Пыхтя и отдуваясь, Дэльфин начал спускаться на рельсы; он был немолод, тучен и, ко всему прочему, обременён своим *Жизнеописанием*; Алиса помогала как могла, хотя раза два чуть не получила по лбу плавником, когда профессор, поскользнувшись, пугался и начинал ими размахивать.

— Никогда не думал, — пыхтел он, — что спускаться на пути куда труднее, чем подниматься!

Потом Алиса сама слезла с платформы, стараясь не поцарапать коленки, а когда слезла, обнаружила, что моток верёвки остался наверху, на платформе, и дотянуться до него невозможно. Пришлось лезть обратно, используя профессорскую спину как ступеньку, а тот поторапливал:

— Давай, давай, поскорее, дитя моё! Времени почти не осталось! И это при том условии, что поезд не шел коротким путем, спрямляя повороты.

— А что, здешние поезда умеют спрямлять повороты? — спросила Алиса, пытаясь представить себе, как это может быть, и одновременно спускаясь на рельсы с верёвкой в руке.

— Только купе первого класса, — ответил Дэльфин. — Остальные идут окольным путем.

Для дальнейших объяснений времени не было — Алисе предстояло ещё привязать профессо-

ра к рельсам, а это, как выяснилось, дело не менее хлопотное, чем спуск с платформы, потому что Дэльфин капризничал и никак не мог или делал вид, что не может, устроиться на рельсах. Сначала он лёг поперёк и тут же стал жаловаться, что рельсы пребольно впиваются ему в спину, а улёгшись вдоль, елозил и ворочался так, что едва не порвал мантию о железные костыли. Одним словом, Алиса уже потеряла надежду покончить с этим делом прежде, чем поезд допыхтит до станции.

«Вязали бы его настоящие разбойники, я бы посмотрела, как бы он у них капризничал. Взрослый, а хуже ребенка», — сердилась она, впрочем, про себя.

Наконец-то, всласть наковчевряжившись, профессор сообщил, что теперь всё, он готов, и Алиса быстренько опутала веревкой его туловище, правда, совсем не туго.

— Вам удобно? — спросила она, не сводя глаз с маленького туннеля, откуда вот-вот должен был появиться состав.

— Благодарю, — отвечал Дэльфин с натянутой улыбкой. — В моем нынешнем положении мне будет по-настоящему удобно, только когда ты подашь мне моё *Жизнеописание*...

— Ваше *Собственноручное Жизнеописание*? — удивилась Алиса. — Разве сейчас время...

— Самое время! — нетерпеливо вскричал профессор. — Ты наверняка слышала, что в момент

смертельной опасности, в каковой я как раз пребываю, перед глазами обречённого проходит вся его жизнь. Однако при моей никудышной памяти надёжней будет, лёжа на этом одре, перелистать страницы *Собственноручного Жизнеописания* профессора Дэльфина Косаткинда.

Чем он и занялся, и Алисе посчастливилось стать очевидицей самого необыкновенного зрелища. Дэльфин же с головой погрузился в историю своей жизни и, похоже, не прочь был пролежать на рельсах ещё пару-другую часов, но тут издали донёсся свисток паровоза.

— Сударь! Господин Дэльфин! — окликнула его Алиса, не желая прерывать профессорских занятий, но чувствуя, что просто обязана это сделать. — Поезд, кажется, идёт.

— Что такое? — всполошился профессор. — Какой поезд? Ах да! Почему же ты меня не предупредила заранее, глупая ты гусыня?

— Потому что сама только что поняла, — обиделась Алиса.

— Должен заметить, что это не оправдание, — возразил Дэльфин. — Тебя не поторопишь — не спасёшься! Ну и чего ты ждёшь, девочка? Ну-ка, развязывай меня, да поскорей, будешь возиться — не успеешь!

«До чего же здесь все невоспитанные! — подумала Алиса. — Вот возьму и оставлю этого грубияна на рельсах — так ему и надо!»

Однако она была слишком добра, чтобы поступить подобным образом, и немедленно принялась высвобождать профессора. Разматывать веревку оказалось труднее, чем заматывать, — та постоянно цеплялась за тетрадь, которую Дэльфин прижимал к себе так, словно от неё зависела вся его жизнь (в некотором смысле так оно и было). Когда веревку наконец удалось развязать, оба снова вскарабкались на платформу: первой — Алиса, опять по спине профессора, потом сам профессор, которого Алиса, пыхтя и отдуваясь, втащила вверх. На этот раз Дэльфин забыл свою трость, так что Алисе пришлось снова спуститься на рельсы и подобрать её. И ровно через две секунды после того, как Алиса и профессор вместе со всем его имуществом оказались в безопасности на платформе, из туннеля вынырнул маленький паровозик.

— Итак, — профессор Дэльфин Косаткинд снисходительно улыбнулся Алисе, — я считаю, что всё закончилось...

— ...вполне удовлетворительно, — продолжил Дэльфин Косаткинд, устроившись у окна в купе поезда. — Спасательная операция прошла без лишней суеты, поскольку нас было всего лишь двое и никто нам не мешал. — Он сделал новую пометку в тетради. — Ты действовала быстро, решительно и ничего не забыла. В награду за это я

решил забыть чепуху, которую ты несла на платформе. Разбойники, пишущие своё *Жизнеописание*, вот уж действительно! Какое у тебя дикое воображение, дитя!

— Я всего лишь имела в виду... — начала было Алиса.

— Вот! — вскричал Дэльфин. — Ты можешь сколько угодно думать, говорить, упоминать, утверждать, взвешивать, заявлять, даже предполагать, если тебе так хочется, но только не иметь *в виду*! Во что превратился бы мир, если бы каждый был волен иметь *в виду* всё, что угодно, да ещё *в виде* чего угодно! Но если у кое-кого есть кое-какие *виды* на кое-что, это совсем другое дело...

— Я не понимаю, что вы... — Алиса чуть не ляпнула «имеете *в виду*», но вовремя спохватилась, — о чем вы говорите.

— Хорошо, я *введу* тебя в курс дела. Видишь ли, моя дорогая, каждый *вид* — драгоценен! А вымирающий — особенно. Когда и если я *введу* на морском коньке в Президиум Академии и стану Президентом, уж тогда я все *виды, введу* их драгоценности, *введу* в Красную Книгу, а не только *веду*. Вот каковы мои *виды*!

— Я с вами полностью согласна, — сказала Алиса, совсем потерявшись, — но дело в том...

— Дело в том, — перебил ее профессор, — что всякое дело требует *ведения*, но чтобы *вести* дело правильно, нужно все *вести* и *сведения свести*

воедино, и только после этого *сведёния* использовать *свёдения*, но обязательно с *ведения* ученых и по *совести*. Впрочем, *сведения* и *вести* порою бывают таковы, что их не так-то просто *довести* до *сведения*.

— Если бы вы привели пример, — испуганно заметила Алиса, — может быть, мне стало бы понятнее.

— Приведу! Ещё как приведу! — воскликнул Дэльфин и с места в карьер продекламировал следующее:

Невеста славится косой,
жених бахвалится косой,
а мимо них бежит косой —
скажи мне, кто из них косой?

— Ну, кто имеется в виду? — спросил профессор.

Алиса представила себе раскосоного испуганного зайчишку, и ей стало его жалко. Косоглазая невеста — совсем никуда не годится. А жених? Оно конечно, не так страшно! «Ну а вдруг я ошибусь, — подумала Алиса, — ему ведь обидно будет». И тут же вспомнила, как по утрам кухарка ворчит на своего мужа, кучера: «Опять вчера заявился косой!» — однако у кучера поутру оба глаза, как правило, бывали на месте. Алиса окончательно запуталась и сказала:

— Не знаю.

глава четвертая

— И правильно! — одобрил Дэльфин. — Никогда не говори того, чего не знаешь наверняка. Теперь урок нужно закрепить.

И он прочёл ещё одно стихотворенье:

Жил-был на свете старожил,
он луг и грядки сторожил,
в ночь обходил он с луком
и луг и грядки с луком.
Однажды лег он под сосну,
сказал: устал! чуть-чуть сосну..
Когда же он проснулся вдруг,
то завопил: — А где же ...?

— Итак, — обратился Дэльфин к Алисе, — как ты думаешь, какое слово стоит перед вопросительным знаком?

— Ну, это и Ежу понятно, — улыбнулась Алиса, почему-то вспомнив Деревенского Мыша.

— Правильно. А если я спрошу, как это слово пишется?

— Очень даже просто, это слово из трех букв: Л-У-К... то есть, я имею в виду... — И Алиса задумалась: — Может быть, все-таки Л-У-Г? Луг, конечно, большой и никуда вроде бы не мог деться, но в жизни чего только не бывает — засыпаешь в одном месте, а просыпаешься совсем в другом. (Это Алиса хорошо знала по собственному опыту.) А если это Л-У-К, то что имеется в виду — стрель-

чатый лук или лук со стрелами? — Она окончательно зашла в тупик, замолчала и вдруг подпрыгнула от радости: — Я поняла! Это слово вообще нельзя написать правильно, если не знаешь, что имеется в виду...

— Вот именно! — торжествующе воскликнул профессор. — И я уверен, что ты запомнишь этот урок надолго, — продолжал он, строго глядя на Алису, — потому что сегодня ты научилась от меня большему, чем могла бы научиться в школе за многие-многие лета.

— Вы совершенно правы, потому что летом я в школу не хожу.

Этого последнего замечания Дэльфин как бы не заметил.

— Что же до *Собственноручного Жизнеописания* разбойников, — продолжал он, — то это совершенно невозможно. *Собственноручное Жизнеописание* всегда пишется от первого лица, а первое лицо — *Я*, и никто иной, и я всегда пребываю в единственном числе (если, конечно, не выхожу из себя), и вообще, первое лицо — всегда единственное, — а как же иначе! — но если ты полагаешь, что бывают *Жизнеописания Множественноручные*, тогда давай кончим этот глупый разговор!

Он снова уткнулся в свою тетрадь, открыв её всё на той же странице, и вдруг вскричал, горестно трясая головой:

— Ай-яй-яй! Как же мне это надоело! Как же я устал от всех этих сюрпризов!

— Что случилось? — спросила Алиса, вновь сгорая от любопытства.

— Беда! Совсем беда, — прорыдал профессор. — Здесь чёрным по белому, — и он ткнул плавником в тетрадь, — написано, что наш поезд угодит в песчаную бурю, которая называется «самум». Я даже дважды подчеркнул: «самум»! И где же он, спрашиваю я, где этот самум? Где?

Алиса предпочла промолчать. Ведь недаром на полях его тетради, думала она, не так уж много пометок — значит, предначертанное в *Жизнеописании* сбывается не слишком часто; и ничего удивительного, коль скоро профессор на одну только поездку запланировал и разбойников, и песчаную бурю, — столько приключений подряд не бывает.

— Может, оно и к лучшему, что бури не будет? Буря — очень опасное явление природы, — в конце концов проговорила она, чтобы хоть как-то утешить профессора.

— Я написал «самум», — отвечал тот несколько раздраженно, — значит, самум будет.

— И что нам тогда делать?

— А, как-нибудь обойдётся! — беспечно махнул плавником Дэльфин. — Ведь я самый умный из нас, не так ли?

С этим Алиса спорить не решилась.

— Стало быть, — завершил профессор, — я *самумный* и мне нечего бояться.

— А мне? — поинтересовалась Алиса.

— Ну, — ухмыльнулся Дэльфин, — *А-лисе* хитрости не занимать: как-нибудь ухватишься за букву *А* в слове «*самум*», она тебя и вынесет. И вообще, что толку говорить и строить какие-то планы, если *самум* есть пока только на бумаге! — И он в отчаянье ткнул плавником в *Собственноручное Жизнеописание*. — Вот, видишь? И что мне теперь делать с этой записью?

Профессор Дэльфин Косаткинд был в таком плачевном состоянии, так заламывал плавники, что Алисе волей-неволей пришлось взять на себя решение этой задачи, и оно почти сразу нашлось.

— Посмотрите, — сказала она, указывая на строчку в тетради, — видите, как просторно стоят слова? Думаю, тут хватит места, чтобы вставить словечко. Вставьте «не» между «поездом» и «угодит», и никто не заметит, что его здесь раньше не было.

Дэльфин долго разглядывал страницу, вертел её и так и этак, даже разок перевернул вверх ногами, потом широко улыбнулся и сказал:

— Превосходная идея и правилам не противоречит!

Он взялся за карандаш, как следует послунывил и решительно вставил в рукопись новое слово.

С чувством глубокого удовлетворения любовался Дэльфин результатом своей работы, как

вдруг вскинул голову («Боже мой, — подумала Алиса, — с таким существом никогда нельзя быть уверенной, что всё уже в порядке!»), выглянул в окно купе и завопил во весь голос:

— Мы проехали мою станцию! И знаешь, что я тебе скажу, — с упреком обратился он к Алисе, — это ты виновата. Никогда больше так не делай!

— Как? — спросила она.

— Не подкидывай мне идеи в поезде на подъезде к моей станции.

Алиса в свою очередь выглянула в окно, и то, что она увидела, показалось ей странно знакомым. Занятая беседой с профессором, она почти не смотрела в окошко и совсем не обращала внимания на пейзажи, пролетавшие мимо; только теперь она поняла, что никаких пейзажей и не было, а был всего лишь один пейзаж, и тот никуда не летел, а оставался на месте.

«Вон тот маленький холмик — я совершенно уверена, что видела его, когда мы вошли в купе, — сказала она себе, — и я не помню, чтобы поезд трогался, или стучал колесами, или делал ещё что-нибудь такое, что положено делать нормальным поездам».

Когда же Алиса оторвалась от окошка и огляделась, то вдруг обнаружила, что сидит она вовсе не в купе, а в полутемной комнатке с выцветшими коричневыми обоями, с паутиной на стенах (там, где только что были багажные сетки) и с письменным столом, на котором горой громоздятся пыль-

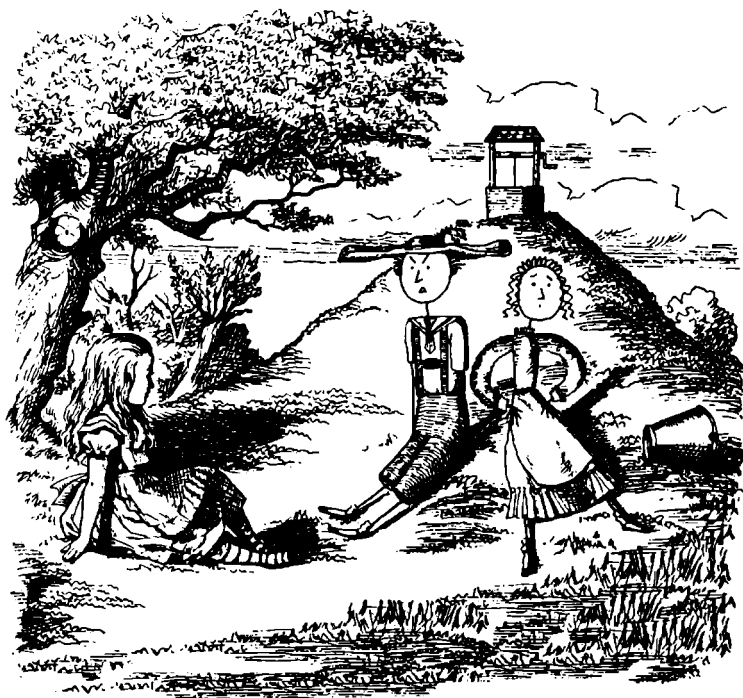
ные бумаги и книги. В комнатке стоял крепкий запах (пожалуй, даже приятный, решила Алиса, когда принялась), настоящий на трубочном табаке, каплях от кашля, промокательной бумаге и корице — всё приблизительно в равных долях.

«Ах да, ведь это же кабинет, — догадалась она. — Наверное, это и есть тот самый кабинет задумчивости и уединения. В следующий раз, когда о нём заговорят, я смело смогу сказать, что уже побывала в таковом».

В полумраке Алиса наконец заметила фигуру профессора Дэльфина Косаткинда — он крепко спал в глубоком кожаном кресле у окна, положив на колени своё *Собственноручное Жизнеописание*. Алиса пару раз вежливо кашлянула, но профессор не проснулся; тогда она на цыпочках направилась к двери, тихонько отворила её и вышла на яркий солнечный свет. Холмик-невеличка, который она видела из окна, был совсем неподалёку.

Глава V

Тутошка и Фафошка

Подойдя поближе, Алиса убедилась, что холм и в самом деле не слишком высок.

«Ненамного выше какого-нибудь кургана, — сказала она себе. — А если есть курган, значит, на него обязательно надо подняться и обозреть окрестности».

На самом деле больше всего её интересовало стоявшее на макушке холма нечто похожее — во всяком случае, так оно выглядело снизу — на колодец.

«Зачем колодцу быть на холме? — думала Алиса. — Ведь что такое колодец? Это такая дыра, вкопанная в землю. Стало быть, чем выше место, тем хуже, потому что вкапывать придётся глубже!»

Эти высокие размышления были прерваны ужасным шумом — айканьем, ойканьем, визгом и лязгом, — не успела Алиса опомниться, как кто-то, ска-

тившись с холма, сбил её с ног; она растянулась на земле, а этот кто-то оказался сверху. Следом, визжа по-пороссячи, скатился ещё кто-то и плюхнулся поверх них — получилась маленькая куча-мала.

Алиса помотала головой, села и попыталась собраться с мыслями. Рядом с нею на травке, стелая и жалобно всхлипывая, лежали те двое, что плюхнулись на неё. В первый момент они показались ей ужасно тощими: кожа да кости, да и того не слишком много. Но, приглядевшись повнимательней (они же, занятые своими ушибами, её куда не замечали), Алиса поняла, что на самом деле они — те самые человечки-палочки, которых часто рисуют на стенах или заборах. Одна из фигурок была мальчишкой в коротких кожаных штанах и войлочной шляпе с широченными, шире плеч, полями; другая — девочкой в премиленьком розовой платице с оборками и в белом передничке.

Мальчишка сел и уставился на Алису; он не поздоровался и не представился, а только процедил сквозь зубы:

— Куда ты лезешь под ноги? Из-за тебя я чуть не сломал свою коронку!

При слове «коронка» сердце у Алисы ёкнуло («как бы там ни было, корона у королевича всегда поменьше, чем у короля»), и, хотя не без труда, она проглотила обиду («всякое случается — даже королевские дети бывают дурно воспитаны»).

«Он вполне может оказаться переодетым королевичем, — рассуждала она, — бродил же лунны-

ми ночами по улицам Багдада Калиф, и был он в наряде вовсе не королевском. (Эти сказки она уже читала.) Потому что кому же не известно, что члены королевских фамилий даже по будням одеваются, как на праздник. Однако если он — королевич и не хочет, чтобы его узнали, зачем же он надел корону?»

И она принялась шарить в траве.

— Что ты делаешь? — рявкнул королевич.

— Я решила помочь вам отыскать вашу корону, — вежливо отвечала Алиса. — Наверное, она свалилась у вас с головы, когда вы... — Она осеклась, уставясь на широченную войлочную шляпу, которая хотя и скособочилась, но плотно сидела на нём; честно говоря, шляпа не только скособочилась — поля у нее помялись и отвисли едва ли не до самых плеч, так что мальчишке приходилось придерживать их руками, чтобы что-нибудь видеть.

— Вы уверены, что надевали сегодня корону, ваше величество? — спросила она, многозначительно указав глазами на его шляпу.

— Ха, — вскричал мальчишка, — если ты имеешь в виду мою «коронку», — и он, задрав верхнюю губу, показал Алисе кривой зуб с металлической скобкой, — так её снимут не раньше чем через месяц! Или тебя интересует мой котелок, — и он стукнул себя по лбу, — которым я из-за тебя приложился? Ну и ну, — высокомерно добавил он, повернувшись к девочке, которая тем временем, расставив локти, пыталась разгладить смявшийся передник и на их

разговор не обращала ни малейшего внимания, — чему только в наше время учат детей!

— А по-моему, ты ничуть не старше меня, — сразу осмелела Алиса, убедившись, что перед ней не королевский сын.

— Ах, так? Тогда скажи, сколько тебе стукнуло сегодня?

— Столько же, сколько и вчера, — ответила Алиса (но про себя добавила «наверное», будучи не вполне уверена, что «сегодня» здесь то же самое, что «сегодня» дома), — семь лет и десять месяцев.

— А мне семь лет, одиннадцать месяцев и шесть дней ровно! — торжествуя, воскликнул мальчишка. — И в моё время детей учили вести себя со старшими уважительно.

Не желая вступать в столь безнадежный спор, Алиса повернулась к девочке, которая всё ещё возилась со своим передником.

— Давай помогу, — от души предложила она.

— Ты! — с презрением откликнулась та, уперев руки в боки. — Помогла одна такая! Нет уж, я сама его расправлю, — продолжала она, дернув за концы передника так, будто решила разодрать его надвое, — я буду его расправлять до конца, пока не расправлюсь!

Разговор явно не клеился, мальчишка пытался выправить поля своей шляпы, девочка продолжала яростно разглаживать передник, Алисе же не оставалось ничего другого, как заняться ссадиной на собственном лбу.

— Лучшее лекарство от головной боли, — заметил мальчишка, — это, — и он сделал многозначительную паузу, — избавиться от головы! Сегодня я готов предложить свои услуги бесплатно. В следующий раз они обойдутся тебе вдвое дороже.

Алиса уже открыла рот, собираясь выразить надежду, что следующего раза не будет, как вдруг заметила в траве жестяную бадейку. Тут-то она и поняла, что ударилась именно об неё. И тут же её будто снова ударило: она вспомнила самое первое в своей жизни стихотворение, выученное наизусть.

— Так ведь я же знаю, кто вы такие! — воскликнула она. — Вы Тутошка и Фафошка!

— Откуда ты можешь это знать, девочка? — спросил некоролевич.

— Из детского стишка, конечно! — отвечала Алиса. — Хотите, прочту?

— Фи! — фыркнула Фафошка. — Все детские стишки одинаковы: знаешь один — считай, что знаешь все!

Тем не менее Алиса прочла:

Тутошка с Фафошкой крутою дорожкой
пошли на бугор за водой,
Тутошка упал, коронку сломал,
а следом — Фафошка с бадьёй.

— Да уж, совсем младенческий стишок! — сказал Тутошка, потряхнув головой. — Рифмы слабенькие: Тутошка — дорожка, упал — сломал, а уж в этой

«водой — бадьёй» и вовсе буквы не совпадают. И вообще, всё это враки. Если бы ты не была такой неуклюжей, я бы никогда не упал!

Алиса, конечно, могла с ним поспорить, но решила промолчать. Однако, не стерпев и минуты молчания, Фафошка вызывающе фыркнула:

— Фу! Все молчания одинаковы: слышал одно — знаешь все!

— Я тогда была ещё маленькой, — зачем-то стала оправдываться Алиса, — ну, совсем ещё крохой. Мы должны были выучить его назубок.

— Ты хочешь сказать, что выучила стишок и на вкус, и на цвет, подряд и вразбивку? — спросил Туттошка.

— Пожалуй, да.

— Тогда прочитай шиворот-навыворот.

— Как-как? — смутилась Алиса.

— Навыворот, пожалуйста, — повторил он.

— Да нет, ты не понял, — попробовала объяснить Алиса. — Я должна была...

— Раз должна — чего ждешь! — закричал Туттошка и почти по-королевски притопнул ножкой.

— За это время ты успела бы его даже на музыку положить, — добавила Фафошка.

Алиса, не совсем понимая, чего от неё хотят, раскрыла рот и вдруг услышала свой собственный голос, который пел то на мотив «Йо-хо-хо, и бутылка рома», то на мотив «Капитан, капитан, улыбитесь» (а когда не получалось — на что-то вроде «Боже, храни королеву») следующие слова:

Крутою дорожкой Фафошка с Тутошкой
на горку вкатились с водой;
коронка на месте, и все честь по чести
спустились с пустою бадьей...

И, едва закончив, Алиса в испуге зажала рот руками — не очень-то это приятно, когда звуки, и не просто звуки, а целые слова да ещё с музыкой вылетают изо рта сами собой.

«А я ведь их туда даже не вкладывала, — подумала она. — А когда слышала, как всё рассказывается наоборот, мне показалось, будто время скрутилось спиралью, как на граммофонной пластинке».

— Для грамзаписи это, пожалуй, годится, — важно кивнул головою Тутошка, словно соглашался с ее мыслями, хотя на самом деле понял их совсем не так. — Да, кстати, о пластинках, — продолжил он, — теперь давай-ка с самого начала по-французски.

— По-французски? — переспросила Алиса, несколько приуныв. — Но я ещё очень плохо знаю французский.

— Ничего, стишок короткий. Начинай!

И опять слова стали выскакивать у неё изо рта без спросу:

Tauteau et Fauveau sont montés a la colline
Pour remplir un gros seau de l'eau.
Tauteau est tombé en se cassant le nez,
Fauveau aussi...

— Bravo! Автора! — Тутюшка легонько похлопал в ладоши. — Конечно, с именами ты малость наврала... — При этих словах Фафошка бросила на Алису взгляд мрачнее прежнего. — Но ничего, сойдёт. И если ты сама ни слова не поняла, тоже ничего страшного. Поживёшь с моё и узнаешь: стихок сочинить не сложнее, чем «Здрасьте» сказать! Одинаково просто.

— Вы, наверное, не поверите, — расхрабрилась Алиса («Само собой», — буркнула Фафошка.), — но я и без вас знаю довольно много стихов. — Она не без гордости собиралась перечислить все, поскольку считала, что знает куда больше, чем многие её сверстники. — Я знаю «Сияй мне, звездочка» и...

— Фе! — фыркнула Фафошка. — Все звезды сияют одинаково: если видела, как сияет одна, значит, знаешь, как сияют все!

«В этих стихах говорится совсем наоборот», — проворчала Алиса, однако не вслух — ей эти двое казались уже вполне симпатичными, и не хотелось их снова обидеть.

— А?! Что я говорила! — воскликнула Фафошка. — Кто слышал одно молчание, тот знает их все! Это твоё молчание в точности — ну просто слово в слово — такое же, как предыдущее!

— А вот и нет! Слова, которые я произнесла — то есть которые я не произнесла — в это молчание, совсем другие, чем те, которые я не произнесла в предыдущее. — Однако про себя Алиса не могла не подумать: «Какую же чушь мы тут мелем!»

Вдруг Тутошка вскочил и, хотя одна из его ног-палочек ещё плохо сгибалась, бросился к бадье, поднял её и заглянул вовнутрь.

— Так я и думал, — сказал он, грустно покачав головой. — А всё из-за тебя. — Взгляд его, брошенный на Алису, воистину был по-королевски суров. — Почти вся вылилась. Значит, нам придётся снова лезть на горку за водой.

— Но зачем вам вода? — спросила Алиса. — Я никогда этого не понимала, и в стихах об этом ничего не сказано.

Тутошка тут же начал тараторить о каких-то то ли гадостях, то ли гадах, которым необходима вода и которые совершенно необходимы каким-то то ли готам, то ли гутам. Про готов Алиса кое-что знала: они жили тут, на севере, и их нельзя путать с готтентотами, которые живут где-то там, на юге, по другую сторону земли, которых, в свою очередь, нельзя путать с гугенотами, потому что готы с готтентотами — *антипаты* или, нет, *антипуты* (здесь Алиса вспомнила, что однажды уже пыталась вспомнить это слово и что звучит оно как-то не так), а гугеноты вовсе ни при чём.

Одним словом, она совсем запуталась в словах и решила, что лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать, — подошла и заглянула в бадью. Воды в ней и вправду почти не осталось, а то, что в ней было, сразу же напомнило Алисе что-то очень знакомое — ну да, конечно, того самого Глубоководного Гада, завязанного в узел. Однако при бли-

жайшем рассмотрении выяснилось, что там не один Гад, а множество Гадиков помельче и притом очень странных, и переплелись они между собой тоже очень странным образом, поскольку извивались (если только это можно назвать извивами) под углом в 90 градусов! Больше всего каждый из них походил на большую букву *Г*. Алиса не знала, что и подумать. Помолчав, она спросила:

— А что, *готентуты* — или, кажется, правильнее будет *готентамы* — едят этих *Г* — то есть, я имею в виду, Гадов? (Сами видите, она ещё не совсем выпуталась из того, в чём запуталась.)

— Разумеется, едят! — отвечал Тутюшка. — Но в основном по местужительства, — и беспечно махнул рукой, — там, в Гогенцолернградобульцер-гогломоглогуттеннахтенбергмрулдыбурге.

— Прошу прощения... — Алиса совсем растерялась, — а нельзя ли повторить это... по буквам?

— Ну и худая же из тебя ученица — хуже некуда! — вставила Фафюшка.

«Сама ты худая — худее некуда», — подумала Алиса, но вслух говорить не стала.

— О, майн Гот! — всплеснул руками Тутюшка и оттараторил по буквам: — Г-о-г-е-э-н-ц-э-о-эл-е-эр-эн-г-э-эр-о-д-э-ы-эр-г-э-б-э-у-эл-г-э-ща-е-эр-г-э-о-г-э-эл-о-эм-о-г-э-эл-о-г-э-у-т-э-т-э-е-эн-эн-а-ха-т-э-е-эн-б-э-е-эр-г-э-эм-эр-у-эл-д-э-ы-эр-б-э-у-эр-г-э. — Потом добавил: — В первом случае я нарочно пропустил одно г-э, а без него — это совсем другое место, но ты — ха-ха! — все равно ничего не заметила!

У Алисы ум за разум заходил, но она твёрдо решила во что бы то ни стало выяснить как можно больше об этом самом длинном из всех известных ей названий.

— Прошу прощения, — вежливо начала она, — но где находится этот... как его... — и замолчала, сообразив, что никогда в жизни не сумеет произнести *это* хотя бы до половины. (А вы смогли бы?)

— Ты имеешь в виду Гогенцолернградырбулгщергогломоглогуттеннахтенбергмрулдыбург? — спросил Тутюшка. — Да ведь именно туда мы с Фафошкой должны отнести бадью с Гэобразными, а не то — о-го-го...

— Что о-го-го? — поинтересовалась Алиса.

— О-го-го что будет, — воскликнул он, — потому что Гогенцолернградырбулгщергогломоглогуттеннахтенбергмрулдыбургу эти Гэобразные просто необходимы. Поняла?

— А если вы их не донесёте? — осмелилась спросить Алиса.

— Такого не может быть, потому что не может быть никогда! — беспечно усмехнулся Тутюшка. Но, немного помолчав и оглянувшись на Фафошку, добавил шёпотом: — Однако если с нами что-нибудь случится... потому что, понимаешь, *никогда* — это всё равно что *всегда*, только наоборот... ну, тогда, значит, ты и отнесёшь бадейку!

Алису опять поразило, с какой восхитительной легкостью всякий встречный-поперечный требует от неё помощи, ничуть не сомневаясь, что она

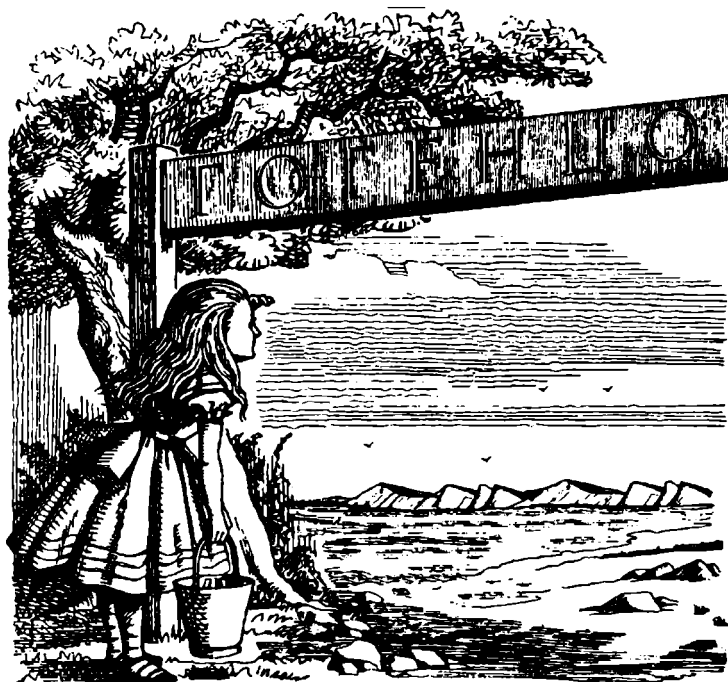
обязательно захочет и сможет помочь; размышляя об этом, Алиса никак не могла решить, молодец она или просто дурочка, которую водят за нос. Между тем все трое уже поднялись на вершину холма, и Тутюшка с Фафюшкой снова достали воды из колодца.

Однако едва Тутюшка ступил на тропинку, ведущую вниз, как ножки-палочки его запутались, он кувырнулся через голову и загремел по склону, а следом за ним, разумеется, покатились и Фафюшка. К счастью, в тот момент, когда произошёл этот, совершенно непредвиденный, несчастный случай, Алиса оказалась рядом и успела выхватить у Тутюшки бадью, да так ловко, что вода даже не расплескалась. Конечно, следовало бы осведомиться о самочувствии Фафюшки; и не сломал ли Тутюшка на этот раз свою коронку; и в каком состоянии его котелок; и не нужна ли им помощь; однако — как-нибудь они друг другу сами помогут, решила Алиса и, обхватив бадью обеими руками, отправилась искать вышеназванное место.

Искать пришлось недолго. Почти сразу же она наткнулась на дорожный указатель, а точнее, на начало самого длинного из всех указателей на свете, — такого длинного, что Алиса не смогла сразу определить его длины, потому что дальний конец терялся в воздушной дымке. И каждую букву на нём приходилось читать через два шага на третий, ибо так далеко они отстояли друг от друга.

Глава VI

Слома голову по Г-Головоломке

«ГОГЕНЦОЛЕРНГРОДЫРГБУЛГЩЕРГОГЛОМОГ-ЛОГУТТЕННАХТЕНБЕРГМРУЛДЫРБУРГ». Всё-таки ей удалось разглядеть весь указатель от начала до самого конца — для этого, правда, пришлось прищурить глаза и приставить ко лбу ладонь козырьком, как это делают бывалые морские волки, вглядываясь в даль океана.

— Ну и ну! — воскликнула Алиса. — Оно, похоже, тянется на много морских миль! — (Под этим она разумела расстояние в несколько сотен шагов — никак не меньше.) — А в самом слове (и ничего в этом нет удивительного) ужасно много **Г**! Два... четыре... шесть... десять! Нет, одиннадцать! И другой конец указателя — есть у меня такое предчувствие — утыкается прямо в то место, куда мне нужно попасть: только бы мне туда добраться!

И она двинулась вдоль дорожного указателя. День был очень жаркий, солнце припекало, с каждым шагом бадейка становилась всё тяжелее; в конце концов она так утяжелилась, что Алисе пришлось останавливаться на привал если не у каждой буквы, то по крайней мере у каждого очередного *Г*.

Когда она отдыхала под сенью девятого *Г*, за ее спиной вдруг раздался грозный рык и лай. Алиса вздрогнула и обернулась. В траве, припав на передние лапы и задрав зад, притаился щенок, готовый то ли прыгнуть вперед, то ли дать дёру при первой же опасности.

— Если я не ошибаюсь, — сказала себе Алиса, — это тот самый щенок, которым *Цирюльник* чистил мантию Дэльфина.

Она уже привыкла к тому, что все местные жители говорят по-человечески, и обратилась к щенку самым вежливым образом:

— Прошу прощения, не будете ли вы так любезны сказать, далеко ли ещё до этого, — и она указала на дорожный указатель, — места?

Вместо ответа щенок молча склонил голову набок, словно говоря, что и рад бы ее понять, но, увы, совсем не понимает; затем снова твякнул, но уже не так грозно.

Решив, что щенок попросту не расслышал, Алиса шагнула к нему, собираясь повторить вопрос, однако пёсик отчаянно завилял хвостом и с лаем

отбежал ровна на Алисин шаг, после чего уселся, настороженно не сводя с неё глаз и свесив розовый язык чуть не до земли. Алиса удивилась: как может столь длинная штука уместиться в столь маленькой пасти!

— У меня такое подозрение, — растерянно проговорила она, — что ты щенок. То есть, я имею в виду, всамделишный щенок. Потому что ты не задаёшь невежливых вопросов, и не грубишь в ответ, и не рассуждаешь по всякому поводу и без повода, как все остальные.

И чем больше Алиса думала, тем забавней казалась ей эта встреча с обыкновенным щенком именно *здесь*: «так же забавно, как если бы *там*, дома, в омнибус вошла бы, взяла билет и села бы рядом со мной Дина или, скажем, Динозавр». (Алиса не знала в точности, кто такой Динозавр, но не сомневалась, что Динозавру ездить в общественном транспорте не полагается.)

Щенок ждал, что Алиса сделает дальше, она же озиралась в поисках палочки, чтобы поиграть с ним, однако поблизости ничего подходящего не было («кроме, конечно, Тутошки с Фафошкой, — подумала она, проказливо улыбнувшись, — но попасть в чью-то пасть им вряд ли захочется»). Да к тому же она не то что опаздывала, но всё-таки ей хотелось поскорей оказаться на месте, ведь от девятого Гидти осталось не так уж много — всего два перехода, хотя и

довольно длинных. И, подхватив бадейку, Алиса продолжила путь.

Но вот наконец-то она добралась до конца дорожного указателя, или, если вам так угодно, — наидлиннейшего в мире наименования. Стрелка указывала прямо на высокие решетчатые ворота в такой же высокой и решетчатой ограде; над воротами арка, а на ней большими буквами выведено «Г-ГОЛОВОЛОМКА».

— Это место очень похоже на «ЛАБИРИНТ» в нашем городском парке, — сказала Алиса, — только название другое!

За приоткрытыми воротами можно было разглядеть начало узкой тенистой дорожки, которая почти сразу разветвлялась на две — одна вела налево, другая направо, и обе исчезали за высокой живой изгородью из темно-зелёных кустов.

— Да, очень похоже на лабиринт, — решила Алиса. — И там, должно быть, так приятно, так прохладно.

Ворота были не заперты, и таблички «Частное владение! Вход воспрещён!!!» на них не было; Алиса, поколебавшись, вошла...

Едва она ступила на то место, откуда брали своё начало две дорожки, как за спиной у неё раздался противный скрип; Алиса обернулась и увидела — створки ворот сомкнулись. И все её попытки открыть их оказались тщетны: она тянула изо всех

сил, она трясла этот противный засов за шиворот (так по крайней мере ей представлялось), а он, совсем как живой, не уступал, упрямылся и упирался. Что тут поделаешь? Она угодила в ловушку, и ей осталась одна дорога — к центру Г-Головоломки.

Обхватив ладонью подбородок и наморщив лоб (совсем как роденовский «Мыслитель»), она ломала голову над труднейшим из всех вопросов: «Что делать?»

— Дайте подумать, сударь, — начала она, пытаюсь вспомнить всё, что знает о лабиринтах. — Если всё время поворачивать налево, это будет правильно. Кажется, есть такое правило.

— Но, право, сударыня, — отвечала она самой себе, — если вы будете всё время поворачивать направо, вы также останетесь правой!

Впрочем, это ваше право,
выбрать лево или право,
потому что всё равно
вам другого не дано.

— Ах, сударь, да вы, оказывается, поэт! Или, может быть, Тутошка прав: говорить стихами так же просто, как сказать «здрасьте». Впрочем, сударь, до свиданья (Алиса всё-таки решила, что правильной будет использовать правило правых поворотов), и если я, несмотря ни на что, заблужусь, то

встретимся в Риме, потому что все дороги ведут туда (а почему это так, она сказать не могла).

Алиса осторожно вошла в Г-Головоломку по правой дорожке и, держась правой стороны, повернула направо, потом ещё раз направо и после третьего поворота оказалась снова на развилке у входа.

— Хм, — пробормотала она, — что-то здесь не так. А если я буду поворачивать только налево?

Это она и сделала, увы, с тем же результатом. Вновь оказавшись у входа, Алиса по-настоящему рассердилась.

— В нашем Лабиринте всё устроено иначе — там нужно найти выход, а не вход! Ничего, мы ещё посмотрим, кто кого, — погрозила она кулачком живой изгороди, — я все равно туда попаду!

Она опять пошла по левой дорожке и на первой же развилке с удивлением обнаружила указатель, которого раньше там не было — в этом Алиса не сомневалась, потому что такую полезную вещь, как указатель, просто нельзя не заметить. Однако никакой пользы от этого указателя не было — на нём стояло три слова, вопросительный знак и две стрелки: « ← ТУДА или СЮДА? → »

— Ну и ну! — От негодования Алиса даже ногой топнула. — А я-то полагала, что указатели обязаны отвечать на вопросы, а не задавать их!

Ждать помощи было не от кого, и Алиса недолго думая повернула направо. У следующей развил-

ки обнаружился ещё один указатель, почти повторяющий первый — две стрелки и три слова, — но уже без вопросительного знака: « ← ТУДА или СЮДА → ».

— Если указатели и дальше будут такими, мне придётся решать всё самой. Что же выбрать, ТУДА или СЮДА? — задалась она вопросом, по-видимому бессмысленным. — «СЮДА» мне почему-то кажется немного ближе, чем «ТУДА», а стало быть, я смогу попасть в это «неизвестно куда» куда быстрее, — и это, конечно, хорошо. Но, с другой стороны, «ТУДА» звучит как-то заманчивей, и, может быть, *туда* ещё не ступала нога человека. Тогда я стану первооткрывателем и присоединю новые земли к королевству; только вот нет у меня с собой флага, а первооткрыватели всегда водружают флаг на открытых ими землях; а ещё, может быть, я коронуюсь и стану королевой Алисой Первой, — хотя стать генерал-губернаторшей тоже неплохо. Я буду править Туданией тридцать три года и обязательно объявлю войну Сюданцам, а они запросят мира и согласятся платить дань, и... только вот беда: вся эта чушь никак не поможет мне попасть хоть куда-нибудь!

Итак, пусть это будет «ТУДА», решила Алиса и повернула налево (точно следуя направлению, указанному стрелкой), прошла немного и обнаружила ещё один указатель. На нём затейливой вязью было выведено: «*ВОПЬ ИЛИ ЗДЕСЬ*» («Тоже мне указа-

тель! — подумала Алиса. — Я и без тебя это знаю!»), а пониже в скобках: «ОТСЮДА 150 ШАГОВ».

— Хотя какая-то определённости, — обрадовалась Алиса. — Уж если мне неизвестно, где я нахожусь, значит, лучше находиться где-нибудь ещё.

И она пошла в ту сторону, куда указывала стрелка, размахивая бадейкой с Гэобразными и в такт своим шагам напевая слова, которые сами собой пришли в голову, потом стали сами собой изменяться, пока не зазвучали как-то непривычно, как-то странно, будто по-иностранному:

— И от-сюда-ни-я, и от-туда-ни-я, и до-туда-ни-я, и до-сюда-ни-я, и-туда-ния, и-сюда-ния, ни-туда-ния, ни-судания... Кажется, я знаю, куда иду, — воскликнула Алиса, — я иду туда, где жил принц Гамлет и говорил: «Бить или не бить — вот в чём вопрос!», и ещё: «Неладно что-то в Тудатском королевстве!» (Из всего Шекспира Алиса знала лишь эти две строчки, но, согласитесь, много ли найдётся даже взрослых людей, знающих больше?)

И, совсем развеселившись, она прошла мимо очередного указателя, который гласил: «ОТСЮДА 100 ШАГОВ», а потом мимо ещё одного: «50 ШАГОВ», и вот после поворота появилась табличка с одним словом: «ОТСЮДА».

Алиса уставилась на надпись.

— Этого не может быть! — возмутилась она. — Ведь я должна была прийти не сюда, потому что когда я ушла... — Потом примолкла, соображая,

откуда же она на самом деле пустилась в путь, и решительно продолжила: — Когда я ушла *отсюда*, я должна была пройти ровно сто пятьдесят шагов, и я прошла их в нужном направлении, и подходила всё ближе и ближе, а когда пришла, оказалось... что пришла куда-то туда, куда я никак не могла прийти, а стало быть, сейчас я нигде... или я вообще никуда не уходила...

Внимательно оглядевшись, она заподозрила, что и в самом деле вернулась на то же место, откуда ушла, потому что там, откуда она ушла, была такая же непроницаемая живая изгородь и дорожка имела точно такой же изгиб; не таким был только указатель — но, вновь посмотрев на табличку, она обнаружила новую надпись: «*ВОЯТ МЫ И ЗДЕСЬ*».

Даже для Алисы это было слишком. Скрестив ноги по-турецки, она села на тропинке, глаза её наполнились слезами, а сердце — жалостью к самой себе. Сколько времени она так просидела, неизвестно, но в один прекрасный момент Алиса вдруг поняла, что в этой Г-Головоломке запуталась не она одна. Откуда-то издалека, но вполне отчетливо, донёсся голос, который нельзя было не узнать, потому что кричал он: «*Памогите! Памогите!*»

— Это же Деревенский Мыш! — Алиса так обрадовалась, словно встретилась с самым верным своим другом. — Но где же он? — Сложив ладони

рупором и обратившись в ту сторону, откуда доносился писк Мыша, она закричала: — О-го-го! О-го-го!

— А-га-га! А-га-га! — тут же откликнулось эхо.

«Странно, — подумала Алиса, — неужели эхо тоже «сталичная штучка»? Но какая прекрасная у этих кустов *откустика!*» (Видимо, Алиса имела в виду «акустику»).

Немного погодя она ещё раз окликнула Мыша, однако голосок его звучал всё слабее, из чего Алиса сделала вывод, что Мыш тоже свернул не туда.

— Что же мне делать? — опечалилась она, однако это не помешало ей тут же пошутить: — А всё-таки Деревенскому Мышу легче: он разбрасывает по дороге свои *и*-да и *ну*, как Мальчик с пальчик пшено, так что всегда может найти дорогу обратно!

Шутки шутками, но эта шутка подала ей идею. Алиса заглянула в бадейку — там копошились Гэобразные Гадята, они сплелись друг с другом в такие квадраты и прямоугольники, что ей сразу вспомнился старый учебник Геометрии, в который она от нечего делать однажды заглянула.

— А если попробовать перебросить Гадёнка через изгородь — вдруг кто-нибудь найдёт его и придёт мне на помощь?

Алиса осторожно сунула руку в воду и выудила из геометрической путаницы одного Гэобраз-

ного. Разглядывая бедного Гадёнка, она едва не расхохоталась — таким забавным он оказался вблизи: скрюченный вдвое, он трепыхался в руке, пытаясь вырваться.

Алиса попробовала его распрямить, однако на это сил у неё явно не хватало.

— Не сердись, маленький, — сказала Алиса несчастному уродцу. — Конечно, нехорошо так с тобой поступать, но, знаешь, я почему-то уверена: по ту сторону тебя кто-нибудь поймает — прямо на лету, и ты не ушибешься.

И с этими словами она метнула Гёобразного как можно выше, и он исчез за зелёной изгородью.

— Ура! — воскликнула Алиса, надеясь, что Гадёнок уже попал в чьи-то хорошие руки. Однако в следующее мгновение уродец самым непонятным образом опять взвился над изгородью, покрутился на месте, словно выбирая, куда ему направиться, в нерешительности завис и вдруг ринулся обратно к Алисе. Не перехвати она его на лету, он врезался бы в противоположную живую зеленую стенку.

— Да ты же у нас как бумеранг! — огорчённо воскликнула Алиса. — Такой же кривой! — И второй попытки делать не стала — все Гадята в бадейке были одинаково кривые.

Осторожно сунув Гёобразного обратно в воду, она снова опустила на землю.

— Вот я и заблудилась, — сделала вывод Алиса. Я — *здесь*, и *отсюда* мне не уйти! Конечно, если все дороги ведут в Рим (правда, какой это будет Рим, Первый, Второй или Третий, о которых Алиса тоже была наслышана, это неизвестно), туда просто нужно долго-долго идти, и когда-нибудь обязательно попадёшь. (Даже если всё время ходишь по кругу? — усомнилась Алиса.) Но, чтобы попасть в центр Г-Головоломки и выбраться из неё, тоже нужно просто идти и идти, стало быть, — пришла Алиса ко второму выводу, — Рим находится в центре Г-Головоломки (правда, какой из трех, — тоже непонятно). Но если я и попаду в Рим, то как же оттуда доберусь домой?

И тут Алиса вспомнила:

— Иголка! Как пришла, так и вернусь! Только *жалъ* — на этом закончатся и все мои приключения! — вздохнула она.

Однако сколько Алиса ни подносила иголку к глазам, сколько ни заглядывала в «глазок», проку не было, зато показалось, что «глазок» ей ехидно подмигивает. Что же делать? Неужели придётся просто сидеть и предаваться самым грустным мыслям?

— Придётся, — кивнула Алиса, — потому что я так заблудилась, что дальше мне *заблуживаться*, нет, наверное, *заблуждаться* некуда. Теперь я совсем *заблудившаяся*.

Усталость одолела её, голова склонилась почти до колен, и глаза сами собой закрылись.

глава шестая

Бедная Алиса! Если бы она могла увидеть **Г**-Головоломку с высоты птичьего полета,

она поняла бы, что,
повернув два раза направо,
всего три раза,
в центр
четыре раза подряд,
она попала бы
и еще разок,

Не прошло, кажется, и мгновения — Алиса встрепенулась. Потому что почувствовала, как что-то или кто-то коснулся её. Открыв глаза, она успела заметить ногу (точнее, лапу в белом пуховом носочке), тут же исчезнувшую за углом на повороте дорожки.

Ужасно рассердившись на себя, — это надо же! прозевать собрата по блужданию в **Г**-Головоломке! — Алиса вскочила и бросилась вдогонку, совсем забыв о бадье с Гэобразными, которую так долго и терпеливо таскала с собой по извилистым дорожкам. Она завернула за угол и опять увидела только лапу, исчезающую за следующим углом.

Алиса мчалась сломя голову, потеряв счёт бесчисленным поворотам и изгибам, но, повернув за очередной угол, всякий раз успевала заметить всё ту же лапу, исчезающую за следующим углом. Между тем откуда-то издалёка донёсся странный гул, словно где-то там шумел водопад. Поначалу похожий на тихое бормотание, он постепенно превратился в какой-то ропот и топот и, наконец, в оглушительный рёв. Алиса мчалась так, что даже захоти она остановиться, всё равно не смогла бы, и вот, нырнув за последний угол, она влетела в самый центр **Г**-Головоломки, который, к её удивлению, оказался битком набит животными и птицами всех видов, и было их там видимо-невидимо.

Глава VII

Алиса — доброволец

И какое же там царило отчаяние! Какой у всех был расстроенный вид! Никогда в жизни Алиса не слышала столько стонов и стенаний, но больше всего её слух терзали голодный писк и скулёж малышей.

«Давно ли они тут сидят, бедняжки? — подумала она. — Наверное, умирают с голоду!»

Алиса осторожно пробиралась сквозь толпу, пытаясь найти местечко посвободней, и вот тут-то (когда она пыталась обойти Водяную Крысу, которая именно в этот момент вздумала отряхнуться от песка и, с неприязнью глянув на новенькую, сообщила: «Не вздумай называть меня Крысой, я Нутрия!») раздался голос, призывающий всех к молчанию. Подняв глаза, Алиса увидела фальшивого Мартовского Зайца, очевидно, весьма важную особу в здешних местах. Она сразу по-

няла, что Заяц — фальшивый, потому что это был совсем не тот Мартовский Заяц, с которым она имела честь быть знакомой, это во-первых, а во-вторых, он держал в одной лапке тарелку с макаронами, а в другой — бутылку кетчупа. Привстав же на цыпочки, она заметила, что задние лапы у него словно обтянуты белыми пуховыми носочками.

«Вот, значит, за кем я сломя голову бежала по Г-Головоломке», — сказала себе Алиса.

Шум тут же стих, и заяц заговорил с фальшивым немецким акцентом:

— Слушайте, что я вам скажу! Все мы тут заплутали... и очень устали... и очень хотим кушать... и всё это так и есть. Нам нужно найти план спасения, а пока мы его не нашли, давайте устроим соревнования! Согласны?

Ответ последовал незамедлительно. Со всех сторон раздалось: «Нет, нет!», «Никогда!» и «Ни в коем случае!»

— Принято единогласно, — кивнул фальшивый Мартовский Заяц с самодовольным видом. (И кто посмеет сказать, что нет?) — Однако не бывает Большого Спорта без Большого Приза победителю! — продолжал он. — Слушайте все: кто станет чемпионом, тот получит от меня макарон с кетчупом.

Услышав столь заманчивое предложение, звери тесно обступили Зайца, желая узнать правила.

— Состязаемся в трёх видах, — важно объявил он. — Первый — Подъем Температуры, второй — Толкование Смыслов и третий — Кросс по Неудобочитаемостям. Все готовы?

Раздались крики:

— Нет! Нет ещё!

— Вот и прекрасно! На старт, внимание: марш! — скомандовал фальшивый Мартовский Заяц.

Звери и птицы приступили к состязаниям, и Алиса, глядя на сосредоточенные и напряженные мордочки спортсменов, не могла не смеяться; однако состояние тех, кто поднимал температуру, её seriously встревожило: кое у кого глаза вылезали из орбит, а иные как-то болезненно побагровели. Потом ей показалось (а может быть, и показалось, что показалось), будто мадам Кенгуру, её соседка, перескочила через такую Неудобочитаемость:

«Постижение есть соотнесение определенного блока идей с группой или последовательностью событий либо явлений, имеющих причинно-следственные связи с тем, что возможно или необходимо постигнуть посредством уточнения и расширения подобного соотнесения: такое постижение посредством анализа причинно-следственных связей в группе или последовательности в их развитии дает возможность разумному существу через одно событие или явление либо через группу определенных событий или явлений предсказывать возникновение других родственных либо неродственных групп, событий или явлений».

— А ну-ка, держись за меня, — сказала добродушная мадам Кенгуру, благополучно приземлившись по другую сторону Неудобочитаемости и протянув Алисе лапу. — Похоже, сейчас откроется новая страница — это может оказаться весьма опасным для столь юного существа. Ты крепко держишься, дитя моё? Алле-оп! Ву-аля! — закончила Кенгуру, немного запыхавшись.

Что-то, кажется, произошло, но что именно, Алиса не вполне понимала. Такое впечатление, будто огромный белый прямоугольник воздвигся перед ней, а затем — впоследствии она рассказывала сестре об этом так: «знаешь, будто перед тобой меловой утёс... или ещё — будто водопад, и ты, как лосось, взлетаешь вверх по нему... и на душе так радостно! Зато когда приземляешься в начале следующей страницы цела и невредима, то радуешься от души!»

— Итак, дорогая моя, — сказала мадам Кенгуру, отдышавшись, — очень было приятно познакомиться с тобой, но нам пора вернуться к нашим состязаниям. Кстати, а ты участвуешь?

— Я? — фыркнула Алиса. — Да я в жизни не видела ничего более бестолкового!

— А, понимаю, ты в команде Толкователей! — одобрительно кивнула Кенгуру. — Позволь мне пожелать тебе удачи, дитя моё, на выбранном тобой поприще. — И вдруг закричала: — Да перестанешь ты ёрзать, в конце концов!

— Прошу прощения! — Алиса растерялась, она вроде совсем и не ёрзала.

— Ах, это не тебе, дорогая, — успокоила её Кенгуру, дружелюбно похлопав по голове. — Это я своим малышам. Вот, смотри. — И она приоткрыла на животе просторный мешок, из которого на Алису уставились большие круглые глаза двух кенгурят. — Эти милые малютки становятся такими непоседами, когда остаются дома одни. Меня это крайне утомляет!

— Мамочка, а когда нам дадут поесть? — закричал один из кенгурят.

— Тише, Монморенси! — отвечала Кенгуру. — Мама пытается выиграть для всех нас макароны с кетчупом.

— Не люблю макарон с кетчупом! — сказал другой малыш, и Алиса подумала: «Какая неблагодарность!»

— А ты вспомни обо всех несчастных голодных кенгурятах в Австралии — и, вот увидишь, тебе сразу полюбятся макароны даже без кетчупа! — урезонила его мудрая мамаша. Затем, кивнув Алисе на прощанье, она ускакала в поисках новых Неудобочитаемостей.

Спортивные страсти кипели уже не менее четверти часа, когда фальшивый Мартовский Заяц вдруг скомандовал:

— Замри! — И все замерли, после чего повалились наземь, тяжело дыша и не в силах пошевелиться.

Определить чемпиона было не так-то просто: соревнования проводились в трёх видах, а участников набралось столько, что судить о достижениях каждого в такой толпе было попросту невозможно. В конце концов Заяц выбрал очень высокую и очень тощую Гагару, которой удалось поднять свою температуру до 45 градусов по Цельсию. Под приветственные крики она выступила вперёд, и ей был вручён Большой Приз — длинная макаронина, которую чемпионка, застонав от удовольствия, немедленно заглотила, затем, широко раскрыв клюв, вылила себе в горло добрую порцию кетчупа, отчего сразу приобрела такой цвет — помидора с перцем, — какого у Гагар не бывает. («Разве что в книжке «Раскрась Сам», — подумала Алиса, — и должно быть, температура у неё ползёт всё выше и выше!»)

— А теперь, братья и сёстры, продолжим, — сказал фальшивый Заяц. — Достойным продолжением столь волнующих состязаний я считаю хорошую загадку — то есть такую хитрую, такую чертовски трудную загадку, какую никто из вас никогда не отгадает!

Алиса любила загадки, хотя и предпочитала не столь трудные, и поэтому, когда все наконец расселись по местам и Заяц стал загадывать, она тоже наострила уши, тем более что загадка была в стихах, которые показались Алисе очень знакомыми:

Нэд Деревянная Нога,
дружок мой, волк морской,
и в штиль, и в шторм он у руля
стоял вниз головой:
«Люблю я править пятками,
особенно — босой!»

В свой день рожденья он решил
поесть не как всегда:
достал он дюжину яиц
с вороньего гнезда¹
и крабов, устриц наловил —
такая вот еда!

¹ Воронье гнездо — имеется в виду корзина для вперёд-смотрящего на верхушке корабельной мачты.

«Мне одному всего не съесть, —
сказал печально Нэд, —
и половины я не съем —
тут на троих обед!
Эх, были бы со мной друзья,
но их со мною нет.

Эй, парень, на берег ступай,
хочу, чтоб ты, матрос,
на чай ко мне *Цирюльника*
и Дэльфина привёз!»
А тот в ответ: «Но как же мне
узнать их? — вот вопрос!»

«Во-первых, Дэльфин — он большой
и толстый, словно кит,
под мантией профессорской
имеет важный вид,
а также пару плавников
и на хвосте стоит.

Цирюльник меньше Дэльфина
в два раза, но востёр,
усы завиты штопором,
на голове вихор,
а сам он из Италии —
прекраснейший синьор».

Вот в город посланный пришёл
на вёслах по воде,

и там искал, и сям искал
и между, и везде,
но нет нигде *Цирюльника*,
и Дэльфина — нигде!

Но вдруг глядит — там, впереди,
два странных существа;
«перо», «чернила», «мыло», «эль»
доносятся слова —
таких они подарков ждут
на праздник Рождества.

«Они! Они! — вскричал гонец. —
Они! А если нет,
останусь я без головы,
как обещал мне Нэд!»
И к незнакомцам приложил
словесный их портрет.

Был первый вовсе не большой,
не толстый, словно кит,
одет совсем не в мантию
и не учён на вид,
ни важности, ни плавников —
обычный индивид.

Второй же больше первого
в два раза, не востёр,
и нет усов, и весь он лыс, —
какой уж там вихор! —

невесть откуда родом он
и вовсе не синьор!

Конец загадке! Разгадать
её не смог матрос,
и Дэльфина с *Цирюльником*
он Нэду не привёз.
Они же были в городе!
Но где? — вот в чём вопрос!

Рот у фальшивого Зайца растянулся до ушей —
так он был доволен.

— Вот вам загадка! Её вам хватит надолго! Ну,
какие будут предположения? — прокричал он та-
ким ликующим голосом, что сразу стало ясно: в
ближайшие полгода он не ждёт не только отгад-
ки, но и мало-мальской догадки.

Пленники Г-Головоломки и вправду словно за-
были о своём безвыходном положении, погрузив-
шись в размышления.

Однако не прошло и минуты, как Алиса подня-
ла руку.

— Да, милочка? — И фальшивый Мартовский
Заяц фальшиво улыбнулся, словно желая сказать:
«Это всего-навсего ребёнок — чего с него взять,
пусть побалуется!»

— Ну, — неуверенно начала Алиса, — мне со-
вершенно ясно... (Столь весёлому началу улыбнул-
ся уже не только Заяц, но и все прочие, а некото-
рые неоперившиеся птенцы даже захихикали.)

ясно, что те двое, которых матрос встретил на улице, это и были Дэльфин с *Цирюльником*, просто, понимаете, он сперва посмотрел на второго, а на первого посмотрел во вторую очередь...

Снисходительная улыбка тут же сползла с лица Зайца, и наступила мёртвая тишина. Все снова задумались. А потом, когда даже самые последние тугодумы, обдумав ответ Алисы, признали его правильным, все-все, как по команде, повернули головы в её сторону и с такой гадливостью посмотрели на неё, что она сразу пожалела о своей догадливости.

— Ух! Такой задачки хватило бы часа на три, не меньше, — досадовал старый Филин, — и вот вам пожалуйста, она взяла да с бухты-баракхты разгрызла всё в два счёта, жадюга!

— Некоторых хлебом не корми, дай только что-нибудь испортить! — проворчал Страус, вытаскивая голову из песка.

— Как можно испортить загадку разгадкой? — спросила сбитая с толку Алиса. — Ведь загадка на то и загадка, чтобы её разгадать?

— Ух, только о себе и думаешь! А нам-то что теперь делать? Опять размышлять лишь о хлебе насущном? — ответил Филин и сердито ухнул на Алису.

— Тихо! Тихо! — вдруг прокричал фальшивый Заяц. — Сейчас вы забудете о голоде — я кое-что придумал. Пусть Водяная Крыса нам споёт. Всем известно, поёт она так, что даже Барышне-Все-

знайке (Алиса густо покраснела) не удастся испортить ей песню! Попросим!

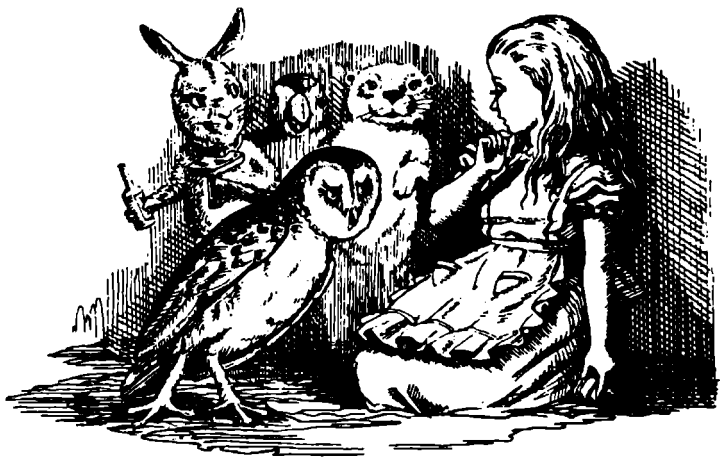
— Во-первых, попрошу зарубить на носу, что я Нутрия, — выйдя вперёд, обратилась к публике Водяная Крыса. — А во-вторых, в моей песне поётся тоже о Нутрии. Однако не должно впадать в заблужденье, полагая, что та Нутрия — это я. Нет, это, можно сказать, измышленная Нутрия, платоновский идеал Нутрии, самая суть Нутрии, Нутряная Нутрия. Ну а ещё там есть некто Крот по кличке Мастер, — добавила она с гораздо меньшим энтузиазмом. Потом начала:

Однажды Мастер, старый Крот,
и Нутрия вдвоем
из старых туфель и калош
решили строить дом.

Она сказала: «Чтобы нам
не ездить зря в Париж,
здесь Нутрдом мы возведём!»
Но Крот ответил: «Ишь

какая! Будет возведён
здесь Мастердом! Иль я
совсем не Мастер и не Крот,
а вы не Нутрия!»

И разгорелся тут сыр-бор:
«Вы, сударь, не правы,

вы, сударь мой, слепец, вы Крот,
совсем не мастер вы!»

«А вы, сударыня, — в ответ
вскричал ужасно Крот, —
вы крыса мокрая, — да-да! —
как весь ваш скользкий род!»

«Нет, я не крыса — зарубить
прошу вас на носу! —
я имя гордое свое
потомкам донесу!

Здесь Нутрдом мы возведём!» —
«Нет, Мастердом!» — «Нет! Нет!..»
Тут он калошей как мне даст!
А я беру штиблет...

— Благодарю вас, — прервал её фальшивый Мартовский Заяц, — достаточно! Это не совсем то!

Водяная Крыса пробралась на свое место, бормоча:

— Эх-эх, они так и не поняли моей песни! Я хотела сказать: «Сам строй, коль тебе приспичило, а я тебе не помощница».

Она была так огорчена, что Алисе захотелось её утешить:

— Мне ваша песня показалась совершенно очаровательной и прекрасно спетой.

— Как это мило с твоей стороны, — поблагодарила Нутрия. — Тебе, наверное, хотелось бы получить мой *нутрограф*?

— Ах, разумеется, благодарю вас... — тянула Алиса, соображая, что за штуку ей предлагают, и, сообразив, сказала: — Это для меня великая честь. Но, к сожалению, при мне нет ни пера, ни альбома.

— Ну, не расстраивайся, — махнула лапой Нутрия. — Я всё равно писать не умею.

Решив, что разумней будет переменить тему, Алиса пожаловалась:

— Мне кажется, вместо глупых соревнований лучше было бы всем миром поискать выход.

— Эх-эх, — отвечала Водяная Крыса, — выход-то известно где, да только неизвестно, есть ли выход из этого выхода, а если и есть, то — куда.

— Я так и знала, что выход есть! — вскричала Алиса. — Где он?

— А ты оглянись — как раз позади тебя большущая дыра в земле. — (Алиса быстренько сделала шаг вперёд, поскольку оказалось, что стоит она на самом краю.) — Насчёт сей дыры существует два Учения, — продолжала Водяная Крыса, приняв глубокомысленный вид. — Одно Учение толкует дыру как нору, которая в конце концов приведёт к выходу, если, конечно, лезть по ней достаточно долго. Другое истолковывает дыру как дыру, которая вообще никуда не ведёт, а просто тянется и тянется до самой бесконечности. Однако поскольку никто никогда из этой норы не вылезал, то никто и не знает, какое из Учений истинно.

— Чтобы решить эту проблему, нужен всего-навсего кто-то, кто захочет это проверить. Я хочу сказать, что нужен доброволец, — заметила Алиса, заглядывая в дыру, такую тёмную, что в ней ничего не было видно, кроме непроглядной тьмы.

— Ты хочешь сказать, что ты и есть доброволец? — разволновалась Нутрия.

— Нет, я хочу... — попыталась ответить Алиса. — Я хотела... — Но сказать то, что она хотела сказать, ей не дали — разговор услышали, вокруг раздались крики:

— Доброволец! Доброволец! Девчонка хочет быть добровольцем!

— Да нет же, — пыталась объяснить Алиса, — я только сказала, что если кто-нибудь когда-нибудь...

Но всё было напрасно, крики нарастали: теперь уже все твердили это слово. Толпа устремила к

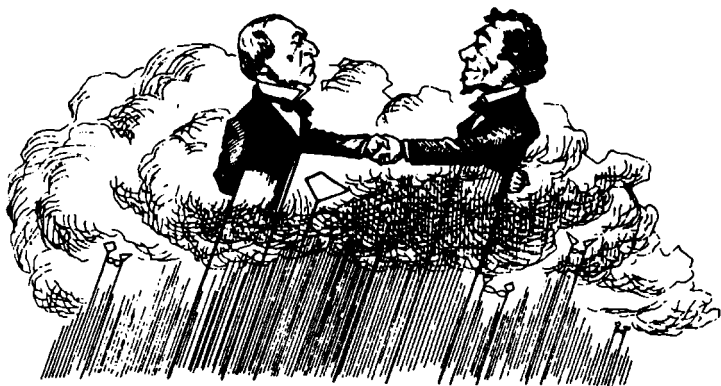
Алисе, застя белый свет, оттесняя её всё ближе и ближе к дыре; Алису подталкивали и подпихивали до тех пор, пока она с громким криком не провалилась в непроглядную тьму. Так Алиса стала добровольцем.

Последнее, что она увидела, была голова Водяной Крысы на фоне неба, потом всё исчезло.

Она летела вглубь, но одновременно как бы и вдоль: «Как будто я падала не вниз, а вбок!» Туннель был неширокий — стенок видеть Алиса не могла, но чувствовала их совсем рядом и ухитрялась лететь так ловко, что ни разу их не коснулась. Был только один момент, когда она как-то неудачно изогнулась и неизбежно должна была удариться о стену, но стена (во всяком случае, так почудилось Алисе) чуть-чуть подвинулась — «ну совсем как живая»!

После нескольких минут такого передвижения Алиса решила, что Учение о Туннеле в Бесконечность — истинно.

— Что вы знаете о Бесконечности, сударыня? — глубокомысленно обратилась она к себе самой и ответила: — Я знаю, сударь, что она похожа на восьмерку, которая так притомилась, что легла на бок и решила немного вздремнуть. И ещё, если я не ошибаюсь, там пересекаются параллельные? Вот, наверное, странное зрелище! Интересно, как они приветствуют друг друга после стольких лет, проведённых врозь? Люди обычно говорят: «Ах, как тесен мир!», но там это не годится. Там, наобо-

рот, следовало бы сказать: «Ах, как обширен мир, не правда ли? Просто невозможно не встретиться!»

Тут Алиса (всё равно заняться ей было нечем) стала воображать, как Первая Параллельная приветствует Вторую словами:

— Ба, какая неожиданная встреча!

На что Вторая отвечает:

— Ах, в последний раз мы виделись, кажется, на сто тридцать восьмой странице потрепанной «Геометрии» издания тысяча восемьсот шестьдесят пятого года. Помните, как мы шли по сторонам ветхого Параллелограмма с потёртыми углами?

А Первая в ответ:

— Время от времени мы издали раскланивались, но никогда не сближались, однако и не отдалялись друг от друга! Кто бы мог подумать, что в один прекрасный день мы встретимся вот так, лицом к лицу!

«Ну конечно, так оно и есть, — крутилось в голове у Алисы, — там, в Бесконечности, куда я, может быть, скоро попаду, все числа отменяются, а вместе с ними и таблица умножения — вот радость-то! — не будет ни складывания, ни вычитывания, ни деления. А значит, времени тоже не будет, и стало быть, ни тебе завтраков, ни обедов, ни чая, ни времён года, и никто не повзрослеет, все останутся в своём возрасте. Здорово, конечно, да только мне бы хотелось успеть ещё чуточку повзрослеть. Но...» — но тут эхо вернуло ей это «НО», и при этом выросшее и растянувшееся за счёт умножившихся **О**, которые выстроились **О-в-О** и образовали свой собственный туннель: **«НООООООООО!»**

— Интересно, сколько получится, если ноль помножить на ноль, а потом ещё на ноль и так много-много раз? — сказала Алиса, и тут же ясно представила, как бы это выглядело на бумаге: **0×0×0×0×0×0...=?** — Вот что я буду кричать, когда в следующий раз мне велят отправляться в постель прежде, чем я наиграюсь, и у них слов не найдётся, чтобы мне возразить, потому что я буду кричать цифрами, и...

Тут Алиса замолчала, потому что в конце туннеля появился свет, пятнышко становилось всё больше и больше, пока Алисе не показалось, что сейчас оно в неё врежется, и в тот же миг она вырвалась на волю.

Глава VIII

Очередная

Алиса вылетела из туннеля, как ракета, на секунду зависла в воздухе и шлёпнулась на землю — цела и невредима. Она ещё не успела ни отдышаться, ни отряхнуться, а рядом уже кто-то завопил, и голос ей показался очень знакомым:

— Эй, барышня! Ты куда это лезешь без очереди?

Второй голос, тоже удивительно знакомый, вторил первому и был не менее злым:

— Ишь какая! Думает, копь свалилась на наши головы прямо с неба, стало быть, заслужила особого благоволения! Не так-то всё просто!

А первый голос заключил:

— Ежели ей позволить, другие тоже захотят!

Наконец, поднявшись на ноги, Алиса поняла, что угодила в самую середку недиинной очереди,

и вот что удивительно — умудрилась вклинить как раз между Чёрной и Белой Королевами, с которыми имела дело в Зазеркалье.

— Если *тогда* они мне приснились — а я в этом совершенно уверена, — как же *теперь* они оказались тут?

Алиса так удивилась, что поначалу забыла, что общение с королевскими особами требует соблюдения целой кучи правил.

— Что вы здесь делаете? — воскликнула она и, чтобы Королевы не обиделись, поспешила добавить «ваши вѣличества».

Однако обе королевские особы, не ответив ни слова, так надменно воззрились на неё, словно хотели сказать: «Если никто ничего не имеет против, то и мы не в обиде».

— Неужели вы меня не помните? — Алиса одарила улыбкой каждую по очереди. — Я Алиса. Мы встречались на Восьмой линии в Зазеркалье, потому что я сама стала там королевой и пригласила вас к себе на званый обед... то есть, — поправилась она, — это вы пригласили друг дружку, и мы замечательно провели время.

Королевы промолчали, но Чёрная кивнула головой в знак согласия, а Белая дружески улыбнулась.

— Как я рада, что вы помните! — воскликнула Алиса (она не раз задавалась вопросом: те, кто ей приснился, помнят ли они её сон так же, как помнит она сама?).

— Ничего подобного! — разверзла уста Чёрная Королева.

— Но вы же сами кивнули в знак... — начала Алиса.

— Ничуть не бывало! — отвечала Чёрная Королева. — Я не исключаю того, что моя голова могла совершить качательное движение вперед и назад в вертикальной плоскости, однако я никак не могу согласиться с тем, что это называется «кивнула».

— Полагаю, что ты полагаешь, будто я улыбнулась! — вскричала Белая Королева. — Удивительное дело! Стоит бедной Королеве позволить себе изогнуть губы наподобие полумесяца рожками вверх и чуть-чуть показать зубы, и всякий встречный-поперечный («В особенности поперечный!» — вставила Чёрная Королева) норовит обвинить её в улыбке!

— Какая бесстыдная клевета! — подхватила Чёрная Королева. — За всё время, что я с вами знакома, вы улыбнулись всего лишь раз, и должна сказать, принесли по этому поводу такую кучу извинений, что их просто некуда было девать.

Алиса решила, что не стоит пререкаться, и, воспользовавшись паузой в их разговоре, попыталась узнать, что это за очередь. Насколько она могла понять, очередь выстроилась между двумя маленькими деревянными домиками-близнецами с островерхими крышами и окошками — по одному на брата — в виде буквы «П» со скругленными уг-

лами. Больше всего эти домики походили на очень большие собачьи конуры. Алиса и Королева стояли как раз в середине очереди.

Надеясь, что Чёрная Королева немного успокоилась, Алиса вежливо обратилась к ней:

— Вы давно здесь стоите?

— Невежливый вопрос! — получила она в ответ.

— Не вижу в нём ничего невежливого, — рассердилась Алиса.

— А по-моему, ответ на этот невежливый вопрос известен каждому невежде. — И Чёрная Королева помотала головой, возмущенная невежеством Алисы.

— Вспомните, дорогая, — заметила Белая Королева, изобразив на лице безутешную печаль, — она же еще совсем дитя.

И тогда Чёрная Королева снизошла до объяснений:

— Видишь ли, деточка, мы с её Белым Величеством стояли на руках, и каждая держала на кончике носа длиннющий шест с флагом. Но тут появилась ты. Тогда мы закричали друг другу: «Ведите себя по-человечески!» И вот тебе пожалуйста — мы, как ни в чём не бывало, спокойненько стоим в очереди. Так уж повелось: только ты появляешься в каком-нибудь неизвестном месте, как обитатели оно́го места тут же бросают свои обычные дела и начинают заниматься всякой чепухой — чтобы зря не пугать чужака. А когда ты

исчезаешь, они, само собой, берутся за старое. Надеюсь, это тебе известно?

— Не-а, — задумчиво проговорила Алиса, — хотя иногда мне такое чудилось — например, когда я проезжала через незнакомый город или деревню.

— Ну вот, теперь будешь знать, раз уж тебе сказали, — бросила Белая, и обе Королевы принялись шептаться, с язвительными улыбочками поглядывая на Алису.

Она же, сами понимаете, не стала церемониться:

— А шептаться в обществе — неприлично!

— И кто же тут шепчется, позвольте узнать? — спросила Белая Королева с невинным видом.

— Вы, конечно.

— Я? Шепчусь? Только потому, что я понизила голос до чуть слышного шипения! — возмутилась Белая Королева. — Нет, меня никогда ещё так не оскорбляли!

— Ах, пожалуйста, не надо, ваше величество, — взмолилась Алиса, увидев, что Белая Королева так почернела от ярости, что её стало почти не отличить от Чёрной, — не сердитесь. Королеве нельзя терять терпения...

Белая Королева прервала её:

— Я никогда не теряю терпения — с тех пор, как посадила его на хорошенькую цепочку и прицепила к юбке. Хотя, — добавила она задумчиво, — раньше постоянно теряла.

— Вот именно! — поддакнула Чёрная Королева. — То — терпение, то — перчатки! То одно,

то другое, а то — и то, и другое вместе! Понимаешь, когда она теряла терпение, она теряла перчатки, а когда теряла перчатки — теряла терпение! Этой цепочкой она обзавелась по моему совету.

— Понятно, — протянула Алиса, которой очень хотелось поглядеть на терпение Белой Королевы, только вот она не знала, прилично ли это.

Между тем очередь подвигалась, до окошка осталось всего ничего, и чтобы не думать о королевском терпении, она сказала:

— Я чуть не забыла спросить — за чем вы тут стоите?

— Об этом, разумеется, я понятия не имею, — беспечно ответила Белая Королева. — Отсюда ещё не видно, что там.

«Ну, это мы скоро увидим, — сказала себе Алиса, — потому что очередь Королев — следующая».

Однако не успел предыдущий отойти от окошка, как оно захлопнулось и в нём появилась табличка: «ЗАКРЫТО! ОБРАТИТЕСЬ В ОКНО НАПРОТИВ». Очередь быстренько развернулась, и Алиса с Королевами оказалась в самом хвосте.

— Так нечестно! — обиделась Алиса. — Теперь нам придется стоять ужасно долго!

К её удивлению, обе Королевы, обычно такие раздражительные, приняли всё произошедшее как нечто само собой разумеющееся.

— Сразу видно: у тебя нет опыта стояния в очередях, — только и заметила Чёрная Королева.

— У меня дома, — осмелилась сказать Алиса, — очередь движется только в одном направлении.

— Зачем же так бездарно использовать хорошую очередь! — воскликнула Чёрная Королева. — Получается что-то вроде лестницы, по которой подняться можно, а спуститься нет.

— Или вроде книги, которую можно читать только слева направо, а справа налево нельзя, — добавила Белая Королева.

Алиса хотела сообщить, что все известные ей книги именно так и устроены, но передумала. Наступило молчание. Однако скоро сама же Алиса нарушила его, решив, что погода — совершенно безопасный предмет для разговора:

— Сегодня прекрасная погода, не так ли?

— Для декабря — да, — откликнулась Чёрная Королева.

— Значит, и здесь тоже декабрь! — обрадовалась Алиса. — А я вот не знала.

— Понятия не имею, что означает твоё «то-же», — проговорила Чёрная Королева, — но, разумеется, сейчас не декабрь! Где это видано — такое небо и такое солнце в декабре?

— Но ведь вы сами сказали, что для декабря погода хорошая, — опешила Алиса.

— А разве это не так? — пожала плечами Чёрная Королева. — Но сейчас август, и для августа в этой погоде нет ничего необыкновенного.

Разговаривать с Королевами — занятие крайне утомительное, и всё-таки Алиса была довольна: ей

удалось узнать, какой сейчас месяц, а об этом, полагала она, каждому человеку знать совершенно необходимо. Однако лишний раз попасть впросак, беседуя с Королевами, не хотелось, и она молчала, глядя на обеих с полуулыбкой, которая может значить всё, что угодно, или ничего вообще.

Наконец они дошли до противоположного окошка, но едва вытянули шеи, чтобы разглядеть, чем там торгуют, как и оно со стуком захлопнулось и в нём появилась точно такая же табличка: «ЗАКРЫТО! ОБРАТИТЕСЬ В ОКНО НАПРОТИВ». Конечно, очередь снова развернулась.

— Нет, это уже слишком! — воскликнула Алиса; она, конечно, была хорошо воспитанная девочка, но потерять терпение может всякий, не только Королева. — Опять я в самом хвосте!

Чёрная Королева отнеслась к случившемуся с той же стойкостью, что и в первый раз.

— Знаешь ли ты алфавит, дитя моё? — спросила она с кривой ухмылкой.

— Кажется, знаю, — осторожно ответила Алиса.

— А не кажется ли тебе, что **Я** всегда стоит в конце!

Тут обе Королевы пронзительно захихикали, и с ними случился такой припадок смеха, что они припали друг к другу, чтобы не упасть.

— Эта шутка совсем не смешная, — фыркнула Алиса, даже не улыбнувшись.

Чёрная Королева так вознегодовала, что у нее начал срываться голос:

— Что? Шутка? Да если б я хоть на миг поверила, что я по... по... (от возмущенья она стала заикаться) ...шутила, я бы немедленно прополоскала рот водой с мылом!

— Совершенно верно, — добавила Белая Королева, — с наилучшим импортным мылом.

— Прошу прощения, — решила не сдаваться Алиса, — но мне показалось, что вы именно пошутили.

Королевы обменялись взглядами: Белая вздохнула, а Чёрная мрачно заметила:

— Этому дерзкому созданию ещё многому следует научиться, прежде чем вступать в разговоры с теми, кто старше и лучше её! Это как в старом детском стишке — помните, дорогая:

Была Алиса гадкая,
на всяку гадость падкая,
перевернула весь дворец,
сломала королю венец,
министру нос расквасила,
кухарку отдубасила!

— Истинно, истинно, — вскричала Белая Королева, заламывая руки, — это прямо про неё!

— Но я никогда не слышала такого детского стишка, — сказала Алиса.

— Просто тебя учили простым, а не королевским детским стишкам, — объяснила Чёрная Королева. — Это стихотворение на Встречу Их Величеств.

— Бедное, бедное дитя! — вздохнула Белая Королева. — При таком воспитании стоит ли удив-

ляться её неотёсанности и невежеству? Увы, так всегда бывает!

— А теперь просим нас извинить, — сказала Чёрная Королева, — делу — время, потехе — час.

А дело вот в чём: Королевы так увлеклись, перемывая Алисе косточки, что не заметили, как очередь покупателей (если только это были и в самом деле покупатели) становилась всё короче и короче, пока в ней не остались трое — две Королевы и Алиса. Самое странное, что окошко на этот раз не закрылось, и Чёрная Королева принялась яростно торговаться с кем-то по ту сторону прилавка. Увы! Как ни старалась Алиса, как ни вставала на цыпочки, как ни заглядывала через плечи Королев, ей ничего не удалось ни выяснить, ни разглядеть, тем более что прилавок постепенно загромождался свертками всякого рода: большими квадратными, маленькими продолговатыми и среднего размера.

Наконец их величества отошли от прилавка, нагруженные так, что поверх поклажи были видны лишь зубцы их корон. Они радостно засеменили прочь, но Чёрная Королева, обернувшись, сказала на прощанье:

— Запомни, дитя моё! Всегда ставь все точки над **Е**, закорючку над **Й** да не забывай о хвостах у **Ш** и **Ц**, а прочие буквы сами о себе позаботятся!

Не успела Алиса оборотиться к окошку, как оно опять захлопнулось, и в нём появилась та же табличка.

— Вот так так! — воскликнула Алиса. — Что это за лавка, которая поминутно закрывается?

Тем не менее она покорно направилась к противоположному окошку, но едва подошла, оно тоже закрылось.

«Это они нарочно делают», — подумала Алиса и поспешила обратно, к первому, которое захлопнулось прямо у неё перед носом... потом ко второму... обратно к первому... ко второму... к первому... всё быстрее и быстрее, и хлопки закрывающихся окошек были похожи на звук, который Алиса слышала в фотоателье, когда в большой деревянный фотоаппарат вставляли кассету с пластиной.

— Ну и пусть, — сказала бедная Алиса, совершенно запыхавшись от беготни, — если они мне ничего не хотят продавать, я в свою очередь ничего не стану у них покупать.

— Здравсьте, д'рагая моя, чем могу служить? — слышался голосок, такой тихий, такой слабый, словно долетал издалека, однако Алиса вздрогнула, будто ей завопили прямо в ухо, подняла глаза и, к своему великому удивлению, обнаружила, что стоит перед открытым окошком, а там, внутри, никого и ничего нет; голос же, когда он вновь зазвучал, исходил откуда-то снизу, как бы из глубины.

Справившись с первым удивлением, Алиса решила сразу разобраться, в чем тут дело.

— Что-то я не вижу... — начала она.

— Пр'стите, — последовал ответ, — очков у нас нет!

— Но я не понимаю...

— Тлковых словарей тоже!

— Не будете ли вы так любезны, — проговорила Алиса самым учтивым тоном, — сообщить мне, что у вас есть?

— Всё, что сердц'угодно, — мечтательно отозвался голос.

— В таком случае, — осмелилась Алиса, — я купила бы то же, что и Чёрная Королева.

— Ах, эт'всё у нас законч'лось! — откликнулся голосок. — Сегодн'это польз'валось таким спросом!

— А нельзя ли...

— Можно! Но тольк'через неделю. Оч'нь много з'казов.

— Ну тогда, есть ли у вас...

— Боюсь, что нет. И не скоро п'явится. Ах, какое невезенье, не правд'ли?

Алиса задумалась.

— А как насчёт... — начала она.

— Никак! — возмутился голос. — Больш'я этим не торгую п'сле того, как один п'купатель им п'давился. Стал красным, как рак.

Алиса пришла в полное отчаянье. Она уже была готова купить все, что угодно, лишь бы это можно было унести с собой. Вдруг она вспомнила: обычно такие лавочки, кроме всего прочего, торгуют почтовыми конвертами и марками. И вот, набрав побольше воздуха, она на одном дыханье протараторила так, что все слова слились в одно:

— Мнебыоченьхотелоськупитьпочтовуюмаркупожалуйста!

— Ах, конечно, д'рагая, — промурлыкал голос, — п'нятно, что вы ж'лаете п'слать письмо до мой, а для этого нужна Марка — больше всего г'дится муж'ственное **М** или одно из этих изящных **З**. Они очень популярны, эти **З**. Х'тите, я заверну вам **З**? Однако я должна вас предупредить на случай, если это п'дарок: с него трудно будет снять ценник.

— Нет, благодарю вас, — сказала Алиса, хотя ей стало любопытно, на что будет похожа марка в обёрточной бумаге.

— Как ж'лаете, — продолжал голос. — Но, может быть, вы хотите, чтобы п'купку доставили на дом?

— Нет, нет, — ответила Алиса, изо всех сил стараясь не рассмеяться, — я просто возьму её с собой.

— Ах, что значит быть м'ладой и в'сёлой! — вздохнул голос. — Ах, а моё время ещё не пришло!

— Боюсь, я не совсем вас поняла.

— Ну, д'рагая моя, если бы вы з'глянули в окошко, вы бы увидели, чтó я такое, то есть во что я, бывшая гус'ница, превратилась.

Алиса, не теряя времени, заглянула, но в темноте сумела разглядеть лишь круглую табуретку и на ней какой-то чёрный и словно вощёный шар. Сперва она не поняла, что это такое. Потом все же сообразила и воскликнула:

— Ну, конечно же, вы — куколка, верно? («Ничего удивительного, что голос звучит словно издалека», — подумала она.)

— Я предпоч'таю слово «хризалида» — оно звучит не так фамильярно. Нам, гус'ницам, видите ли, — продолжал голос, всё менее отчетливо выговаривая слова, — единственным во всей природе дано такое право: вначале мы пр'живаем старость, а уж потом, умудренные оп'том жизни, пользуемся юностью во всей её красе. И у меня такое'щущение... — (Здесь голос стал ломаться.) — ...у меня с'верш'енно отчетливое'щущение... что юность моя уже рядом!

Не успев закончить свою речь, хризалида-куколка начала вскрываться изнутри («Как гирлянда из флажков на Рождество, когда её достают из обёртки», — подумала Алиса), и на свет появилась бабочка необыкновенной красоты и изящества. (Совсем как большая, ярко раскрашенная буквица в начале любимой Алисиной сказки: «Жили были три королевича...») Несколько неуверенно бабочка-буквица вылетела в окошко, потом, оказавшись на воле, легко вспорхнула ввысь, и Алиса напоследок услышала серебристо-звонкий детский голосок:

— Не забудь свою почтовую марку!

Глава IX

Пирог с лебедем и зеленью

Взяв с прилавка почтовую марку, Алиса принялась её разглядывать. Как и на всякой марке, на этой была изображена королевская голова, что всегда приводило Алису в замешательство: разумеется, таким образом почтовое ведомство отдаёт должное монарху, «но почему при этом, — недоумевала она, — голова всегда отделена от короля, будто его только что обезглавили?». Марка была слишком мала, и чтобы разглядеть, какому королю принадлежит запечатленная на марке голова, Алиса поднесла её к глазам. Она знала, что вблизи марка должна стать больше, — во всяком случае, так поступает любой предмет, уважающий Законы Перспективы, — но чтобы она выросла до таких размеров, Алиса никак не ожидала. В мгновение ока марка раздалась во все стороны, засло-

нив собой весь окружающий мир, «а это, — сказала Алиса, — противно всем Законам!».

Не ожидая от такого поворота событий ничего хорошего, Алиса хотела бросить марку, да только оказалось, что никакой марки уже нет и в помине и сама она стоит не перед прилавком, а сидит в маленьком палисаднике за аккуратно накрытым столом. По левую руку виднеется что-то вроде харчевни, с соломенной крышей и стенами, увитыми плющом, по правую — поблёскивает ручей, и с той же стороны, нависая над столом, в почтительном ожидании стоит пожилая (вернее было бы сказать: пожилой) Лягва в форме официанта, а в лапках у Лягвы — карандаш и блокнот для заказов. Второе место за столом, напротив Алисы, пустовало, так что когда Лягва-Официант вдруг проквакал (при этом вид у него был весьма надменный):

— Полагаю, вы наконец готовы-с сделать заказ... — Алиса поняла, что он обращается именно к ней.

Она вновь бросила взгляд на то, что всё ещё держала в руке и что по своим размерам уже никак не могло быть почтовой маркой. И всё-таки Алиса удивилась, обнаружив, что бывшая марка обернулась то ли картой вин, то ли меню с начертанным наверху наименованием заведения: «КОРОЛЕВСКАЯ ГОЛОВА». Множество вопросов сразу завертелось в голове Алисы, но она слишком устала от предыдущих приключений и очень про-

голодалась — ей даже не удалось припомнить, когда же она ела в последний раз. Вот почему из всех вопросов уцелел один:

«Если мне неизвестно, какое сейчас время — время завтракать, или время полдничать, или обеденное время, откуда же мне знать, чего я должна хотеть?»

Но и этот вопрос не пригодился, потому что при ближайшем рассмотрении оказалось, что меню написано по-французски.

Алиса смущенно глянула на Лягву-Официанта:

— Я, к сожалению, не настолько знаю французский, чтобы понять ваше меню.

Не говоря ни слова, Лягва выхватил у неё меню, перевернул вверх ногами и снова сунул Алисе. И теперь ей не составило труда прочесть его.

— Ага! — обрадовалась Алиса. — А я и не знала, что всё так просто: французский — это перевернутый английский.

Да вот беда, меню было похоже не столько на меню, сколько на карту, покрытую таким количеством пятен (отнюдь не белых), что Алисе ровным счётом ничего не удалось разобрать. Тогда она решила посоветоваться с Лягвой-Официантом.

— Скажите, пожалуйста, чем особенно славится ваше заведение? — Однажды случилось ей слышать, как такой вопрос задавали взрослые.

— Ужаснейшим обслуживанием-с! — беспечно отвечивал Лягва, смахнув салфеткой со стола *буквашку*.

— Это я заметила, — пробормотала Алиса тихонько, потому что и скатерть тоже вся была в пятнах. — Просто я хотела бы знать, — продолжила она, — какое из блюд, на ваш взгляд, мне пришлось бы по вкусу?

— Ну, — медленно протянул Лягва, — чего я не могу-с рекомендовать, так это Лягушачьи Ножки-с. Попробуйте-ка-с, закажите их — и сами-с убедитесь, как долго я буду за ними-с ходить.

— Благодарю вас за предупреждение, — проговорила Алиса, — Мне бы и в голову не пришло заказывать такой... — Тут она заметила, как Лягва насто-рожился в ожиданье её ответа, и ловко вывернулась: — Такой деликатес, как Лягушачьи Ножки.

Лягва улыбнулся и уже приветливей предложил:

— Не соблазню ли я вас куском-с Скоромного Пирога-с?

— А из чего он, этот Скоромный Пирог? — поинтересовалась Алиса.

— О, в нём, сударыня-с, огромное количество замечательных *ингредиентов-с!* — последовал ответ. — Патока, хрен-с с горчицей, полбутылки рыбьего жира-с, с десяток-с гвоздей да фунт изюма.

— Звучит не очень-то привлекательно, — с сомнением покачала головой Алиса.

— Н-да-с, — скрепя сердце согласился Лягва, — не слишком-с благозвучно. Однако, знаете ли, в еде важнее вкус, чем звук-с.

— Вероятно, вы правы, — тактично ответила Алиса. — Но сегодня мне хочется чего-то другого. И я никак не могу решить чего.

— В таком случае, позвольте-с, я принесу вам чайку-с, — предложил Лягва. — Целый чайник-с свеженького теплохладненького чайку-с.

— Очень мило с вашей стороны, — кивнула Алиса, — только, пожалуйста, пусть он будет не слишком *теплохладненьким*. — (Дело в том, что она больше всего любила чай горячий, дымящийся.) Однако Лягва, похоже, не услышав просьбы, ускакал.

Алисе уже приходилось бывать в деревенских харчевнях, но впервые она сама делала заказ, и чувствовать себя взрослой было очень приятно. Единственное, что её огорчало, это пятна на меню — они явно не стояли на месте, они ползали и даже перебегали с места на место, а едва она находила местечко почище и пыталась прочесть написанное, как тут же на нём появлялось пятно, которого только что даже и рядом не было. Чаще всего пятно закрывало собой самое важное: название блюда и способ его приготовления ещё как-то разобрать удавалось, зато *ингредиенты-с*, о которых говорил Лягва, всякий раз оказывались под пятном.

Изучение меню очень скоро привело её в уныние, и когда она совсем пала духом, чей-то голос где-то рядом произнёс:

— Ни в коем случае, душенька, не заказывай устриц.

Алиса огляделась по сторонам, посмотрела вверх, заглянула под стол, но никого не заметила. И осталась бы эта тайна тайной, если бы голос не произнёс похоронным тоном:

— Мною были заказаны устрицы — и посмотри, что со мною случилось!

— С удовольствием посмотрела бы, — обратилась Алиса к пустому стулу напротив, откуда как будто и доносился голос, — да только никак не могу вас увидеть.

Едва она произнесла эти слова, как раздался странный шершаво-ползучий звук, и огромная змея медленно развернула перед ней свои кольца: сначала на скатерть легла плоская гладкая голова и уставилась на Алису маленькими грустными глазками; потом появилась верхняя половина тела, и Алиса заметила белую льняную салфетку, повязанную вокруг змеиной... ммм... в общем, чуть пониже головы. Алиса в страхе отпрянула. Вообще-то она не очень боялась змей, и кроме того, эта змея только на первый взгляд показалась огромной, а на самом деле была просто не слишком маленькой; но, с другой стороны, она могла оказаться Очковой Коброй, потому что носила очки, или Гремучей Змеёй, потому что на кончике хвоста имела погремушку, однако Алиса решила, что безопасней всего считать её Ужом.

— Не бойся, — сказала змея, которая, возможно, была Ужом, — я не причиню тебе зла.

— Ну, я почти уверена, что вы не хотите меня укусить, — осмелилась заметить Алиса, которая, невзирая на возможные последствия, никогда не упускала возможности обсудить происходящее. — Только вот сумеете ли вы удержаться?

— Что ты имеешь в виду? — заинтересовалась змея, которая, возможно, была Ужом.

— Животные — они такие, какие есть. И не могут изменить свою природу. Вы, наверное, слышали, как говорят про леопарда: ему не дано изменить ни пятнышка на собственной шкуре.

— Что за чушь! — зашипел Уж. — Большинство хорошо воспитанных леопардов меняют пятна дважды на дню, а к ужину надевают вечерние. И не имеет значения, насколько я голодна («может, это все-таки Гадюка, — подумала Алиса, — раз она женского рода»), а голодна я, — продолжала Гадюка, — как никогда («нет, скорее всего, она не Гадюка, а Уж женского рода, то есть Ужиха», — успокоила себя Алиса), но мне бы и в голову не пришло съесть сотрапезника. Это как-то не принято, это, знаешь ли, пахнет нарушением этикета, попранием правил приличия и прочая, и прочая.

Немного прибодрившись, Алиса спросила:

— Давно ли вы сделали заказ?

— Еще как давно, — отвечала Ужиха, — пять недель, четыре дня и два с половиной часа тому на-

зад, если быть точной. Я сама виновата — заказала дюжину устриц, к которым питаю необычайное пристрастие, и совсем забыла, что *«рыбу не едят в те месяцы, в которых нету буквы Р»* (Ужиха показала, как выглядит этот звук, загремев хвостовой погремушкой, и Алиса подумала, что всё-таки судьба свела её с Гремучей Змеёй), а до сентября ждать еще три недели!

— Но чем же вы собираетесь открывать раковины? — любопытствовала Алиса. — Ведь у вас нет... то есть у вас не имеется...

— ...рук? — подхватила Гремучая Змея. — Об этом я вспомнила только позавчера, но, увы, заказ менять уже поздно!

— Бедняжка, — вздохнула Алиса, — вы, наверное, умираете с голоду.

— Я так голодна, так голодна, что могла бы съесть... да-да, я могла бы съесть собственный хвост!

Говоря это, она повернулась и посмотрела на свой хвост очень странным, как показалось Алисе, взглядом.

— На вид он вполне аппетитный, не правда ли, — продолжала Гремучая Змея, пошевеливая погремушкой, и из пасти у неё потекли слюнки. — А ждать мне ещё долго — за это время хвостик может зачерстветь.

— Прошу вас, госпожа Гремучая Ужиха, — от волнения Алиса запуталась в именах, — подумайте хорошенько! Мне кажется, это опасно...

— А что опасного в том, что я чуть-чуть пощиплю его? — И змеиный хвост задрожал от нетерпения. — От него не убудет.

— Нет, нет, вы сами подумайте, — умоляла Алиса, — ведь не так-то просто решить, где у вас кончается хвост и начинается всё остальное.

— Нет ничего проще! Хвост кончается кончиком, а остальная часть меня начинается прямо вот здесь. — И она вскинула голову, показывая, что именно она имеет в виду. — Их никак не спутаешь!

И, потеряв всякий интерес к Алисе, змея пару раз зевнула, чтобы размять челюсти, потом распахнула пасть как можно шире и — о, ужас! — стала медленно заглатывать свой хвост. Начав с кончика, она продвигалась все дальше и дальше, пока вся задняя часть её тела не исчезла внутри, а тем временем та часть, что оставалась снаружи, разбухала всё больше и больше, и Алиса терялась в догадках, чем же это закончится. Змея уже загло-

тила такую часть самой себя, что Алиса, попытайся она прекратить это самоедство, просто не знала бы, с чего начать.

Наконец змея добралась до собственной головы. Сделав воистину героическое усилие, она раскрыла пасть куда шире, чем вы можете себе представить, потом, как бы вывернувшись наизнанку, с громким мелодичным хрустом проглотила и голову тоже — только и блеснули напоследок очки! (А если хотите знать, что от змеи осталось, взгляните на картинку ниже.)

Алиса онемела от изумления. (Правда, про себя она таки подумала: «Теперь я знаю, это была — самая ядовитая на свете Гремучая Очковая Кобра!») Потом она услышала слабый голос, раздавшийся в пустоте:

— Недурственно! Весьма недурственно... — и еле различимое призрачное громоухание погремушки.

А вскоре после этого появился Лягва-Официант, неся поднос с чайными принадлежностями.

— Пожалуйста, сударыня, — сказал он, наполнив Алисину чашку. — Попробуйте-ка-с.

Алиса пригубила из чашки.

— Теплохладненький, не так ли-с? — Лягва-Официант, стоя рядом с ней, внимательно наблюдал за дегустацией. — А может быть, вам сделать-с чуть потеплохладней?

— Нет, благодарю вас, — решительно отказалась Алиса, — он достаточно теплохладен.

Она прекрасно знала, что чай можно подогреть или остудить, но совершенно не понимала, как можно сделать его более или менее теплохладным!

— Вы уже решили-с, что закажете? — осведомился Лягва, доставая из жилетного кармана блокнот.

— Боюсь, что нет, — отвечала Алиса. — На меню столько пятен, что я ничего не могу разобрать.

Лягва насупился.

— Эти «пятна»-с, как вы изволили выразиться, суть пробы-с вкуса, — сердито проквакал он, — их нужно брать на язык-с, чтобы распробовать.

Алиса ни в коем случае не хотела обидеть и этого нового своего знакомого, а потому, взяв меню, принялась изучать его всеми возможными способами, какие могла придумать, за исключением одного — пробы на вкус. Остальные способы тоже казались непривычными и не слишком приятными, но в конце концов она выбрала пятно, которое на вид выглядело как будто аппетитней прочих.

— Пожалуй, я съела бы немного... вот этого. — И Алиса ткнула пальцем в меню.

— Пирог с лебедем и зеленью, — Лягва-Официант кивком головы одобрил выбор, — я бы и сам заказал именно это блюдо-с!

Алиса никогда ещё не пробовала пирогов с лебедятиной, однако пироги с голубями или с куропатками ей нравились, и она решила, что по вкусу они должны быть похожи. В общем, этот случайный заказ она сочла вполне удачным, однако Лягва, вместо того чтобы отправиться за кулебякой на кухню, вдруг сунул два пальца в рот и пронзительно засвистел. И, услышав этот свист, прекрасный белый лебедь, скользивший взад-вперед по зеркальной глади ручейка, подплыл к берегу, вышел из воды и вперевалочку направился к столу.

Когда снежно-белый лебедь подошел поближе, Алиса заметила, что в клюве у него торчит глиняная курительная трубка, весьма неопрятная, и первое, что он сделал, увидев гостью, — это вынул трубку из клюва и почесал чубуком в затылке.

— С добрым всех вечером. — Лебедь вежливо склонил шею; потом, критическим глазом оглядев Алису с головы до ног, добавил: — Должен признаться, я-то ожидал увидеть кого покрупнее.

— Покрупнее? — переспросила Алиса. — Но почему?

— По кочану да по капусте! Ведь я не какой-нибудь там лебеденок, я, можно сказать, лебедь в самом соку. Вот и сомневаюсь, сможешь ли ты съесть меня целиком за один раз? Мне совсем не хочет-

ся быть недоеденным, чтобы часть меня осталась на тарелке!

Алиса от изумления потеряла дар речи. Нянька не раз ей говаривала, что съедать нужно всё, что тебе положили, но никогда, никогда, никогда Алиса не слышала такого от самой еды!

— Честное слово, я... я очень постараюсь, — говорила она наконец.

— Ну, большего я и требовать не смею, — отгалял Лебедь. — Однако, прежде чем мы продолжим наше знакомство, так сказать, за столом, я должен исполнить свой коронный номер.

— Коронный номер? — переспросила Алиса.

— Вам должно быть известно, — пояснил Лягва-Официант, — что лебеди всегда-с поют перед тем, как залезть в горшок-с? Это-с очень древний обычай.

— Песенка короткая! Весьма приятная! И совершенно задарма! — весело заключил Лебедь, выбив трубку о край стола.

И он запел свою лебединую песнь, лихо приплясывая и притопывая лапами:

Мне бы плащ-непромокабль
из хвостов селёдки,
чтоб на каждом на хвосте
алмаз посередке,
не боялся б я греха
да безносой тётки.

Лягва-Официант подхватил:

Не боялся б он греха-с
да безносой тётки!

Если бы Шекспир со мной
начал переписку,
я бы их употребил,
письма те, без риску,
чтоб мышинный лаз заткнуть —
меньше было б писку.

Лягва-Официант подхватил:

Чтоб мышинный лаз заткнуть —
меньше было б писку.

Я сосульку на носу
вырастил бы к лету,
чтоб звенела «бам-бим-бом»
на потеху свету,
и статейку про себя
тиснул бы в газету.

Я имел бы кучу дел,
будь я прокурором,
деньги мел бы я метлой,
называя сором,
и текла бы моя речь
под большим напором.

глава девятая

Мне б горошину с луну
самой высшей пробы,
мне бы море — суп варить
для своей утробы, —
что бы сделал я тогда?
Сам не знаю, что бы!

Лягва повторил последнее двустиишие:

Что бы сделал он тогда-с?
Сам не знает, что бы!

Лебедь завершил выступление легким поклоном, и Алиса от всего сердца поблагодарила его за песню. После чего Лягва-Официант вздохнул и промямлил:

— Ну что, старина, пошли — пора тебе в горшок-с.

— Весьма признателен! — душевно отозвался Лебедь, так, словно его приглашали поплавать.

— Нет-нет, подождите! Пожалуйста! — вмешалась Алиса. — (Ещё бы! Только представьте, что не ей, а вам предлагают закусить артистом, который только что пел для вас.) — Мне... мне кажется... в общем, я передумала. Я не так уж сильно голодна, — проговорила она, робко поглядывая то на Лягву, то на Лебеда.

Воцарилось гробовое молчание.

— Вот тебе и благодарность! — первым очнулся Лебедь. — Вот тебе и признание публики! И это

после того, как я спел для нее свою лебединую песню!

— Да ещё примечай, она ведь едва притронулась к чаю-с,— добавил Лягва-Официант, грустно качая головой. — А я-то-с чаял, что подал такой теплохладненький чай, такой-с теплохладненький, какого, чай, не подадут даже в час **Ч**...

«Че! Че! Че! — билось в голове у перепугавшейся Алисы. — В Четверг Четвертого Числа Четыре Чёрненьких Чумазеньких Чертёнка Чертили Чёрными Чернилами Чертёж... Ча-ча-ча! Что такое час **Ч**? И почему все мои приключения связаны с буквами? То **Ка**пна, то Жуки-типографы, они же *буквашки*, то Гёобразные, да и сам профессор Дэльфин, стоящий на хвосте, очень уж похож на заглавное **Д** из прописей.

Наверное, Заиголье — это Страна Букв и я путешествую по Букварю. Правда, тут всё как-то перемешано. Однако жизнь есть жизнь, — глубоко-мысленно заметила Алиса, — и в ней всегда всё перемешано, даже Дина произносит гласные впере-мешку. Вот если бы мои приключения были в книжке, можно было бы перелистать страницы назад и всё хорошенько проверить. И всё-таки мне кажется... А может быть, мне это только кажется...»

Глава X

А вам...

...как кажется?

Глава XI

Час **Ч**, или Буквальный бунт

Размышления Алисы были прерваны долетевшим издалика призывом:

— Всем-всем-всем! Заседанье Парламента! Все-все-все — на Словоговоренье!

И тут же Лягва-Официант, крепко ухватив Алису за руку, опрометью бросился на зов. Бежал он по-лягушачьи, через шаг подпрыгивая, и приноровиться к этим его подскокам никак не удавалось. Лебедь, шипя и растопылив крылья, спешил следом и время от времени взлетал, чтобы не отстать.

На подходе к великолепному зданию Парламента они встретили торжественную процессию, состоявшую, судя по виду, из людей знатных, облачённых в горностаевые мантии и увенчанных

золотыми коронами. Однако при ближайшем рассмотрении обнаружилось, что в роскошных одеяниях и при всех регалиях шествуют вовсе не люди, но самые обыкновенные буквы.

— Ах, посмотрите! — восторженно восклицала Алиса. — Ведь это же буквы *Д* — как они гордо выступают на своих коротких ножках! А вон там *В*! Весьма самодовольные особы, ишь как надулись! Зато *Б*, видно, много работали, устали, а может быть, в чём-нибудь провинились — бедняжки, совсем понурили головы. А вон там буквы *О*. На кого же они похожи? Разумеется, на Шалтая-Болтая! Потому что не разберёшь, где у них шея, а где талия, и катятся они точно так же!

Кроме букв в шествии участвовали всевозможные животные и птицы. И даже *буквашки* — Жуки-типографы, жужжа, как всегда, деловито закладывали крутые виражи над толпой. Алиса сама не заметила, как оказалась в процессии. Бок о бок с ней шагал профессор Дэльфин Косаткинд.

Профессор сменил потёртую мантию на новую с горностаевой опушкой, а академическую шапочку на золотую корону и приобрел столь царственный вид, что Алису охватил благоговейный трепет, и первой начать разговор она не посмела. Но и ничуть не удивилась, когда, не выдержав молчания, Дэльфин прошептал ей на ухо:

— Больше всего на свете люблю торжественно шествовать! Вот потеха так потеха! — И он хихикнул самым неторжественным образом.

Вскоре они прибыли в великолепный зал, где после обыкновенных в таких случаях препирательств из-за мест все наконец удобно расселись и нетерпеливо усталились на нечто вроде трибуны, стоявшей на возвышении посреди зала. Алиса между тем успела всё хорошенько рассмотреть: похоже, буквы алфавита имели в Парламенте равное представительство, а на узкой галерее, опоясывающей зал, тесно сидели все прочие существа, и кое-кого из них она знала. К примеру, Деревенского Мыша, который время от времени выглядывал из-за своего Астр~~ана~~мического Альманаха; были там и Тутюшка с Фафошкой (на голове у Тутюшки белела повязка, но, к радости Алисы, выглядел он вполне бодрым); что же до Чёрной и Белой Королев, обе они восседали на возвышении, среди прочих королевских особ.

Появились шесть трубачей и в шесть труб протрубили:

СЛУШАЙТЕ ВСЕ!!!!!! <<<<<<

Все встали, Алиса тоже. Однако заглянуть в маленькую дверцу, из которой, судя по всему, должен был появиться председатель Эму, ей удалось с большим трудом.

«Да, низковат здесь потолок, — подумала она. — Придётся председателю согнуться в три погибели, что не пристало столь высокой особе».

Эму вошел в сопровождении фальшивого Мартовского Зайца, и Алиса с изумлением увидела, что в потолке вдруг образовалась большущая круглая

дыра, которая позволяла председателю не только высоко держать голову, но и передвигаться в любом направлении, потому что дыра передвигалась вместе с ним! (Сам не понимаю, как это может быть; могу только подтвердить, что так оно и было.)

Взойдя на возвышение, он ударил молоточком по трибуне и объявил заседание открытым. Затем вперёд вышел фальшивый Мартовский Заяц и объявил:

— На повестке дня обсуждение Конституции Эму!

— Ах, господи! — вдруг засмутился Эму. — Чего её обсуждать-то, мою конституцию, не чахоточная же? Тело как тело, ну разве самую малость раздалось после чаепития, так это ничего, сейчас пойду пробежусь, сразу спущу лишнее! — И он повернулся, намереваясь покинуть зал.

— Нет, нет, ваше Эмство, — удержал его Заяц. — Речь не о вашем телосложении. Речь о вашем Основном Законе. Некоторые буквы недовольны его духом.

— Так вот в чём дело! — вскричал Эму и уставился на собравшихся в оба стекла своего пенсне, так уставился, что кое-кто в зале смущённо заёрзал. — А будет ли мне позволено узнать природу их недовольства?

— Слово предоставляется депутату Жа! — объявил фальшивый Заяц.

Все головы повернулись к заглавному X, известному правозащитнику, который ростом и роскошью наряда выделялся среди строчных своих товарищей. Он встал, сжимая в руках речь, и даже Алиса, сидевшая довольно далеко, заметила, что речь эта написана на отдельных листочках. Перетасовав их раз, потом ещё раз, он наконец раскрыл рот.

— У... — начал он громовым голосом и замолчал.

Умышленная ли то была пауза или нет, но впечатление она произвела оглушительное, особенно на антилопу Гну, стоявшую, как вы, надеюсь, помните, за У.

Оратор между тем продолжал тасовать свою речь, и Алиса, приглядевшись, с удивлением об-

наружила, что на каждом отдельно взятом листочке написано лишь одно отдельно взятое слово.

«Так вот почему он тянет!» — догадалась Алиса.

— У меня... — Депутат *Х* опять запнулся и продолжил отчаянные поиски следующего слова в своих бумажках.

— Похоже, это будет весьма утомительно, — прошептал Дэльфин Алисе.

— Наверняка, — тихонько ответила она, — если только ему не удастся привести свою речь в порядок.

— Не в речи дело, дитя моё, — покачал головой профессор, — дело в двойном гражданстве и высшей математике. Видишь ли, я уже вывел формулу, из которой явствует, что депутат *Ха*, начав своё выступление с предлога «*У*», под этим предлогом скоро и неотвратно вгонит всех в сон. Ибо, да будет тебе известно, что *Ха* и *У* имеют двойное гражданство, здесь *У* — оно и есть «*У*», а там, в математике, оно — «мистер Игрек», понимаешь, здесь *Ха* — всего лишь «*Ха*», а там он — «мистер Икс». Итак, если мы примем *Ха* за Икс, а *У* за Игрек, то получается вот что... — И профессор, выгудив из складок новой роскошной мантии свою издававшую виды тетрадь, раскрыл и показал Алисе страницу, всю заполненную вычислениями со множеством подчёркиваний и вычёркиваний. Однако внизу страницы было чётко выведено уравнение: $X+Y=1\text{СЛОН}, 2\text{СЛОН}, 3\text{СЛОН}, 4\text{СЛОН}...$ — Что

и требовалось доказать, — закончил профессор, — потому что, если считать слонов, обязательно уснёшь.

Вывод наверняка был правильный, потому что многие буквы уже начали задрёмывать, и зачинщиками в этом безобразии стали **С** и **О**, которым так легко было свернуться уютным калачиком. Только совсем юные **О**, разложив на скамье грифельные доски, с азартом играли в крестики-нолики с такими же юными **Х**.

Вдруг кто-то из трубачей зевнул, да так заразительно, что немедленно заразил соседа, и зевота пошла гулять по всему залу от буквы к букве.

— Что вы зеваете? — закричал Эму трубачам. — Прекратить зевоту! Вывести зачинщика вон! Заковать в кандалы! Посадить на хлеб и воду!

Несколько минут в Парламенте царила повальная зевота, все по очереди разевали зевы, и только фальшивый Мартовский Заяц не растерялся, выскочил вон и тут же вернулся с большим круглым зеркалом в лапах. Подкравшись к очередной жертве зевотного поветрия — это было сильно раздувшееся **О**, — Заяц ловко подставил зеркало и отразил зевок, так что тот солнечным зайчиком улетел за окно. (Замечательный способ, — сказала себе Алиса. — Не забудь им воспользоваться, когда тебе надоест зевать.)

Тем временем депутат **Х** успел привести бумаги в порядок и готов был продолжить речь.

— У меня вопрос! — вскричал он, умоляюще воздев руки. — У меня вопрос, по какому праву такие алфавитные меньшинства, как **Б** и **Ь**, совершенно лишены права голоса?

Твёрдые знаки молча подняли плакат: «Требуем голоса!»

Мягкие знаки так размякли от умиления, что растеклись бы по полу, если б не **Ы**, которые породственному привели их в чувство (вы же помните: **Ы** — это те же **Ь**, только они выбились в люди и, как все выскочки, никогда не расстаются с вооруженной **И** из охраны).

Гласные заявили о своём несогласье:

— **Ь** ставят перед нами препоны, где только могут. Дай им волю, они всюду понасажают своей родни, как в старые времена!

Согласные тоже возмутились:

— Эти **Ь** льнут к нам и портят твёрдый нордический характер согласной половины алфавита! Требуем искоренения!

Молчали только **Ж, Ш, Щ** и примкнувшее к ним **Ч** — им было всё равно, что с **Ь**, что без: «как шипели, так и будем шипеть», — перешёптывались они. А **Ц** лишь цокало языком, стоя в сторонке, — к нему **Ь** никогда не липли, слишком уж оно было цинично.

Одним словом, в зале разразилась буря возмущенных криков, однако Алису это не слишком удивило — даже она кое-что уже знала о Парламентских Нравах.

— У! — гудел депутат **Х**, пытаясь продолжить речь.

— Слушайте, слушайте! — перекрывая галдёж, прозвучал голос с галёрки, и Алиса сразу его узнала — это кричал Крокодилчик.

Наступила относительная тишина.

— У меня есть и второй вопрос. По какому праву **Ё** лишают точек, таким образом отнимая у равноправной гласной право на личное написание?

— Правильно! — крикнул Ёж. — Я все-таки Ёж, а не Еж.

— А ты употребляй себя во множественном числе, — ехидно заметил депутат **Е**, — мол, мы, ежи — и никаких проблем!

— Мне это всё равно не поможет, — грустно заметил Ёжик.

— Уже почти нигде и никогда не встретишь **Ё** с точками, — продолжал правозащитник **Х**. — Слова с ними попадают только в словари, и только из сострадания.

— Это неправда, — шепнула Алиса Дэльфину, — слова попадают в словари совсем по другим причинам!

— Чего ты хочешь от Парламента, — ответил профессор, хмурясь. — Смотри в корень!

— Что вы имеете в виду? — спросила Алиса.

— А вот что, — разгорячился Дэльфин, — слово «парламент» происходит от французского «parlement»: «парла» от слова «parle» — «гово-

рить», а «мент» от слова «mentir» — «лгать». Вот почему во всех парламентах все и всегда лгут.

Алиса плохо знала французский, однако задумалась: а что, если профессор прав?

Между тем прямо к трибуне выкатилось **О** и закричало:

— От имени коалиции **Й** и **О** предлагаю изгнать **Ё** из алфавита и заменить его сочетанием **ЙО**!

— Йож — это все-таки лучше, чем Еж, — заметил **Ёж**.

— У меня есть и третий вопрос, — продолжал **Х**. — Он как раз касается полугласного **Й**, именуемого «кратким», — оно лишено права образовывать слоги...

— Протестую! — завопило **Й**, тоже взобравшись на возвышение. — Требую, чтобы впредь меня именовали «длинным», ибо каждому видно, что я на голову длиннее **И**!

— И-и-и, — завизжали **И**, — а ты поработай с наше, как раз и укоротишься!

Это заявление вызвало бурю негодования со стороны **А**, **О** и **Е**:

— Что вы, **И**, называете работой? — презрительно спросило **О**, крутившееся на помосте. — Да на всё это предложение, которое я сейчас произношу, вас всего-то пара штук! Зато мы крутимся круглые сутки без сна и отдыха!

— Хорошо сказано! — загалдели **А** и **Е**. — Мы заняты чуть не в каждом слове, да порой не в одном, а в двух-трёх местах!

Ответ прозвучал с галёрки — беспризорное **И**, чумазое, как трубочист, приплясывая, издевательски пропело:

— **А** и **Бе**
сидели на трубе,
А упало,
Бе пропало —
кто остался на трубе?

— Э... попрошу не шуметь, — проснулся председатель Эму. — Надо быть скромнее. Берите пример с **Э** оборотного.

Флегматичное **Э** оборотилось спиной к залу — так, чтобы никто не видел, — и показало язык.

Между тем согласные, не обращая особого внимания на перебранку между гласными, были заняты своей забавой: между фракциями **Ш** и **Щ** шёл торг.

— Хотим быть **Щ**, — говорили **Ш**, — пришейте нам хвосты!

— **Ща!** — отвечали **Щ**. — Пришей кобыле хвост! А впрочем, нам наши хвосты надоели. Хотим быть **Ш**!

— **Ша, ребята!** — кричали **Ш**. — Будем договариваться: вы нам хвосты, а мы вам — что?

Одно только **Ц** цокало языком и цинично улыбалось, понимая, что без хвоста оно станет никем или ему придётся перевернуться.

Именно в этот момент, услышав песенку о пропавшем **Бе**, обидчивое **Б** подняло голову и завопило:

— Согласные, наших бьют!

— У-у-у... — гудел правозащитник **Ж**, пытаясь продолжить прерванную речь.

— Кажется, пахнет жареным, — озабоченно пробормотал профессор. — Да-да, очень сильно запахло жареным!

И, зажав под плавником своё *Собственноручное Жизнеописание*, Дэльфин Косаткинд полез под лавку.

«Ничего такого не чую, — подумала Алиса, — но здесь и вправду становится жарко. Припекает так, будто...»

Тут и наступил час **Ч**, и началось! Согласные и гласные пошли стенка на стенку.

Первыми в бой вступили **А** и **Л**. Они ринулись друг на друга заострёнными, как рожны, головами, и Алисе сразу вспомнились картинки из книжки, которую она разглядывала у одной из своих подруг, — поединки средневековых рыцарей. Буквы **К** совсем взбеленились и стали кусать всех подряд своими острыми жвалами. Буквы **О** носились по залу, как пушечные ядра. **Т** и **Ш**, объединив усилия, образовали трезубцы и напали на **Ю**, **Ю** защищались щитами.

Парламент мигом превратился в сумасшедший дом. Фальшивый Мартовский Заяц как-то ухит-

рился залезть в бутылку из-под кетчупа и время от времени испуганно таращил глаза из-за этикетки; Эму безостановочно лупил молотком по трибуне; а Королевы — Королевы гонялись друг за дружкой по кругу, как собака за собственным хвостом (только взгляни на них — сразу закружится голова); причёска у Белой Королевы сбилась набок, а Чёрная Королева во всё горло распевала что-то несусветное — даже сквозь общий гвалт Алисе удалось разобрать слова:

Собирай скорее шпильки —
север, запад, юг, восток! —
нынче ветер вдоль волосьев,
завтра будет поперёк!

Некоторое время Алиса с любопытством созерцала весь этот невероятный кавардак, но в конце концов (а что ей ещё оставалось делать?) рассмеялась — рассмеялась смело и громко. И встала во весь рост (обнаружив, кстати, что рост её стал вполне обычным) и закричала:

— Какие же вы все глупые! Разве вам не известно, что вы, буквы, всего лишь слуги слову, а слово служит человеку, и человек своему слову хозяин!

Тотчас битва замерла. Но, вместо того чтобы просто помириться между собой, на что Алиса и надеялась, буквы, как по команде, разом развернулись, и все-все-все — и **А**, и **Б**, и **У**, и **Д**, и **Я**, и **Щ**, —

объединившись против общего врага, медленно и неумолимо двинулись на неё.

Алиса не знала, плакать ей или смеяться; однако на худой случай решила пошарить в кармашке — нет ли там чего-нибудь колющего, пусть маленького, но такого, чем можно было бы оборониться... и тут весь алфавит во главе с особенно остроугольной буквой **A** поднялся в воздух и клином ринулся на неё! **ААААА...**

Глава XII

Сон? Или явь?

— ААААА-АХ! — закричала Алиса, ей показалось, будто **А** вонзилось в неё острым наконечником.

Впрочем, так оно, похоже, и было, потому что на большом пальце выступила капелька крови.

— Ах ты, злое, злое **А**... — разгневалась Алиса, но тут же смолкла, поняв, что **А** не виновато, что это она сама до крови укололась своей собственной иглой, которую держала в правой руке, а в левой у неё была нитка.

Алиса потянулась, протерла глаза и огляделась. Да, она всё ещё — вернее сказать, по-прежнему, — уютно поджав ноги, сидела в кресле перед пылающим камином, и рядом, на коврикe, мирно спала Дина. За всё это время ничего вокруг не изменилось. Даже песку в песочных часах, которые она перевернула — это Алиса отчётливо помнила —

всего за минуту-другую до своего внезапного отбытия, даже песку не ubyло: если хорошенько посчитать, может, песчинка-другая и перекочевала из верхнего полушария в нижнее, но никак не больше.

«Значит, это был только сон, — подумала она, ласково погладив Дину, которая, не просыпаясь, вдруг изогнула спину так, будто ей тоже снилось что-то очень интересное. — И что же тебе снится? Наверняка совсем не то, что мне. Да, милочка моя, ты, может, и не прочь повстречаться во сне с Деревенским Мышом, чтобы тут же его и слопать. Однако иметь дело с Эму, с Дэльфином и его *Жизнеописанием*, с Фафошкой и Тутошкой да ещё с двумя Королевами, которые явились с визитом из другого сна, да и со всеми прочими очень странными существами — нет, это тебе не по зубам!»

Алиса вздохнула, несколько огорчённая: ведь тех, кого она встретила в Заиголье, — их на самом-то деле и не было, и ей только привиделось на минутку, будто они есть.

— Да, милочка, всё это был лишь сон — сон про алфавит, — продолжала она, обращаясь к Дине, но чуть слышным шёпотом, чтобы не разбудить (так поступил бы любой из вас), — я видела всё от *А*, с которого начинается моё имя, до *Я*, которое тоже — я, хотя и безымянное... потому что я — это я.

Вдруг её слуха коснулся какой-то странно трепещущий звук; доносился он как будто от окна. Она слезла с кресла, чтобы посмотреть, что это может быть, и страшно удивилась тому, что увидела.

— Откуда бы ей взяться в декабре? Разве только из моего сна? А может быть, сон был *не совсем* (или *совсем не*) сон? Потому что, — задумчиво проговорила Алиса, обращаясь отчасти к себе, отчасти к дремлющей у камина Дине, отчасти к неожиданной гостье, — ты ужасно похожа на ту!

На запотевшем окне Алисиной комнаты в начале декабря, расправив крылья, сидела большая, ярко раскрашенная буквица, точно такая же, как в зачине любимой Алисиной сказки: «Жили-были...»

Как начиналась эта книга

Однажды автор, Гилберт Адэр, будучи в Сомерсете, прогуливался по Куантокским холмам, где живёт замечательное эхо, и размышлял о том, что старость не за горами.

Взглянув на отражение
своё в потоке лет,
мы говорим: течёт песок,
и вспять возврата нет! —
в часах песчинка канет вниз,
вторая ей вослед.

А эхо: «Будешь сед!»

Но дважды время надо мной
утрачивало власть:
Я погулял «В Стране Чудес»
И «В Зазеркалье» всласть!
Но как Алисе в третий раз
куда-нибудь попасть?

А эхо: «В Третью часть?»

От скуки и уныния
нас, эхо, сохрани!
Есть Кэрроллу наследники —
мы все ему сродни!
Но кто рискнёт продолжить путь
Алисы в наши дни?

А эхо: «Ты рискни!»

Оглавление

Глава первая	9
Глава вторая	33
Глава третья	53
Глава четвертая	77
Глава пятая	101
Глава шестая	115
Глава седьмая	131
Глава восьмая	151
Глава девятая	167
Глава десятая	184
Глава одиннадцатая	187
Глава двенадцатая	203
Как начиналась эта книга	206

детям до шестнадцати

Гилберт Адэр

Алиса в Заиголье

Директор издательства *В.Горностаева*

Ответственные за выпуск *Е.Лучкова, М.Тюнькина*

Редактор *М.Макарова*

Художественный редактор *Т.Добровинская-Владимирова*

Корректоры *Г.Асланянц, О.Иванова*

Компьютерная верстка *Л.Синицына*

Изд. лиц. № 02194 от 30.06.2000

Подписано в печать 06.03.2003.

Формат 84x108¹/₃₂

Бумага офсетная. Гарнитура «Гарамон».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,92.

Уч.-изд. л. 6,68. Тираж 5000 экз. Заказ №5913

Издательство «Иностранка»

109017, Москва, Пятницкая ул., 41

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»,
107005 Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46

ISBN 5-84145-132-6

11111 1111 1111 1111 1111 1111 11

*Алиса страшно удивилась и поэтому
почти не испугалась; а ещё ей тут же
захотелось прогуляться по полю,
пробежаться босиком по песочку.*

*И – либо иголка стала больше,
либо Алиса – меньше, не знаю, –
только вдруг оказалось, что в игольное
око можно выглянуть, как в окошко.
Алиса тут же, недолго думая, высунулась
по плечи, и теперь вся заигольная страна
лежала перед ней как на ладони, –
зелёные пятна, извилистые линии, –
словно это была карта, а не настоящая
страна. Алиса высунулась ещё чуть-чуть,
потом ещё, и – потеряв равновесие,
вывалилась наружу.*

06.05.04

107.00 р.